

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Вот и закончился ещё один учебный год. Много в нём было: открытия и потери, к примеру, ручек и грифелей; километры выученных параграфов и килограммы исписанных тетрадей; заслуженные похвалы и нагоняи (куда же без них?) и многое другое. Мы надеемся, что ваши головы немного потяжелели от накопленных за год знаний. Впрочем, впереди вас ждёт загорелое, необъятное лето для того, чтобы полностью опустошить их до 1 сентября.

5-й, 6-й, 7-й и 8-й выпуски журнала «Школьный вестник» мы решили сделать не совсем обычным. Без традиционных рубрик, чтобы они стали такими же лёгкими и беззаботными, как ягодное дыхание лета. Держите эти выпуски под рукой, не убирайте на дальнюю полку к учебникам. Обещаем, что они здорово скрасят самые знойные часы этих каникул.

Желаем сказочного лета, ярких впечатлений и до новых встреч на страницах журнала «Школьный вестник»!

ШКОЛЬНИЙ ВЕСТНИК

6+

6/2020

ПУШКИН*

XLII

Ещё летом 1827 года, приехав в Михайловское после дачи показаний по делу об «Андрее Шенье», Пушкин затевает большое прозаическое повествование об эпохе Петра I. Главное действующее лицо — пушкинский прадед Ганнибал. Его красавица жена родила ему белого ребёнка и за то была отправлена в монастырь. Это автор хочет использовать для романного сюжета. Интересный замысел останется незавершённым. Пушкин опубликует два отрывка из начатого исторического романа и отложит работу. После его смерти эта вещь получит название «Арап Петра Великого».

А в апреле следующего года Пушкин берётся за поэму «Полтава» — об украинском гетмане Мазепе, о русской победе над шведами в Полтавской битве 1709 года. Откладывает её и возвращается к работе хмурой петербургской осенью, в октябре. Пишет стремительно, не успевая порой переложить эпизоды стихами и делая прозаические конспекты будущих сцен.

Просыпается ночью, чтобы записать новые строфы. Едва успевает утолить голод в трактире — и снова за стол. К лицейской годовщине 19 октября «Полтава» уже в основном готова.

Написанная на едином дыхании поэма полна нешуточных драматических страстей. Любовь старого Мазе-

**Окончание. Начало читайте в № 5 за 2020 год.*

пы к юной Марии (крылатыми станут слова, произнесённые героем: «В одну телегу впрячь неможно / Коня и трепетную лань»). Вражда Мазепы и Кочубея — отца Марии. Казнь Кочубея по приказу Мазепы. Безумие Марии... Но главное для автора всё же не это, а динамичное описание Полтавского боя и величественная фигура российского императора:

Выходит Пётр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как божия гроза.

Пушкин ищет поэзию в державной истории. В отличие от Рылеева, видевшего в Мазепе героя-цареворца, он считает амбициозный индивидуализм злом. Мазепа, мстящий Петру за давнюю обиду, оказывается и политическим изменником, и губителем любимой женщины.

Посвящение к поэме пишется в Малинниках — деревне в Тверской губернии, куда поэта пригласила Осипова. Здесь же завершается седьмая глава «Евгения Онегина», которая перекликается с «Полтавой» ненатужным патриотическим пафосом в описании Москвы, в строфе о Петровском замке, где «напрасно ждал Наполеон, / Последним счастьем упоенный, / Москвы коленопреклонной»...

Пушкин-государственник. Несколько необычное амплуа для вольного поэта, для профессионального литератора, не состоящего на службе. Но без этой краски пушкинский мир был бы неполон, не был бы универсален. Так что поэт не изменяет здесь ни самому себе, ни искусству.

Политиком Пушкин не становится. Прежде всего потому, что хорошо понимает: его исторические думы, лелеемый им образ России всё равно не впишутся в государственную конъюнктуру. В 1828 году он пишет стихотворение «Друзьям», где объясняется с единомышленниками-вольнодумцами по поводу своих «Стансов» и вообще отношений с властью:

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.

Но при всех комплиментах царю, при всех попытках выдать желаемое за действительное («Тому, кого карает явно, / Он втайне милости творит») завершает поэт своё послание довольно безрадостной констатацией:

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

Сказано вроде бы о некоей «другой» стране, но Николай I на всякий случай не даёт стихам полной гласности. «Это можно распространять, но нельзя печатать» — таков его вердикт.

XLIII

В 1828 году Пушкин-эпик ищет, что называется, «позитив», базовые ценности, на которые можно опереться

в жестокой жизни. А Пушкин-лирик погружается в глубокие сомнения. И в этом нет противоречия. Два творческих вектора дополняют друг друга.

Среди стихотворений этого года «Воспоминание» — психологически точное изображение самоанализа. Того, что потом станут называть нравственной рефлексией:

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слёзы лью,
Но строк печальных не смываю.

Эти строки станут как бы эпиграфом к русскому психологическому роману. Лев Толстой, цитируя их в беседе, гиперболически заменит слово «печальных» на «позорных».

Ещё «Анчар» — философская притча о том, что рабство и угнетение вечны, что они коренятся в самой природе вещей.

Ещё «Чернь» (стихотворение, впоследствии названное автором «Поэт и толпа») — диалог с «читателями», которые требуют от художника обслуживания их сиюминутных потребностей и неспособны понять высшую и таинственную цель творчества. Поэт в финале бросает решительный вызов плоскому пониманию задач искусства:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Строки эти будут цитировать и с сочувствием, и с возмущением. Это эмоциональное преувеличение, поэтическая гипербола. Такая же, как слова «Глаголом жги сердца людей!» в финале «Пророка». Казалось бы, две диаметрально противоположные точки зрения. В «Пророке» утверждается, что искусство должно служить высшей нравственной цели, в «Черни» отстаивается принцип свободного вдохновения. По-своему верно и то и другое. Пушкин вживается в разные истины и находит для них точные и вечные слова. В этом высшая мудрость поэзии.

Особенная судьба будет у стихов, сложенных 26 мая 1828 года, в день, когда автору исполнилось 29 лет:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомнением взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

Здесь не простое житейское уныние, а глубокое философское сомнение, без которого невозможно духовное развитие личности. Настоящий художник переживает

такое разочарование во всём всякий раз, когда переходит к решению новых творческих задач. Это стихотворение нельзя назвать мрачным: в нём есть внутренний свет. И, конечно, музыкальность стиха несёт в себе жизнеутверждающее начало. Гармония звуков преобразует смысл.

Стихотворение печатается в альманахе «Северные цветы на 1830 год» (вышел в декабре 1829 года). Оно становится известным митрополиту Филарету — благодаря Елизавете Хитрово. Эта немолодая дама (между прочим, дочь полководца Кутузова) с недавних пор приятельница Пушкина. Он к ней относится не без иронии, но преданность её ценит. Хитрово взяла на себя роль посредницы между поэтом и священнослужителем, пылая, по словам Вяземского, «к одному христианскою, а к другому языческою любовью».

Митрополит воспринимает пушкинские стихи как кощунственное сомнение в высшей силе и отвечает на них поучением, облечённым в довольно кустарные стихи. Ответ этот выглядит с сегодняшней точки зрения довольно комично, поскольку в нём слишком много пушкинских слов, а от самого Филарета там главным образом речевые неуклюжести:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана,
Не без правды Им же тайно
На печаль осуждена...

Пушкин продолжит полемику новым стихотворением — «В часы забав иль праздной скуки...», которое опубликует 25 февраля 1830 года в «Литературной газете» (она не-

давно основана Дельвигом, Пушкин во время отъезда друга редактирует несколько номеров совместно с Орестом Сомовым). Не митрополиту отвечает он, а тому, кто гораздо выше. Тому, кто дарует человеку сомневающемуся и мучающемуся нечаянную радость, просветление, благодать:

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнём душа палима,
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.

«Дар напрасный, дар случайный...» и «В часы забавиль праздной скуки...» — своеобразная диалогия, части которой фиксируют два настроения, чередующиеся в жизни человека. Это и две фазы духовной жизни художника — от сомнения к истине, от отчаяния к надежде. «Арфа серафима», перекликающаяся с «шестикрылым серафимом» из «Пророка», — метафора высшего предназначения искусства. Эти стихи могут быть поняты и приняты самыми разными людьми — и верующими, и неверующими, и пребывающими в зыбком пространстве между верой и неверием.

«Дар» — так назовёт Владимир Набоков свой роман, законченный в 1937 году и адресованный читателю, который мгновенно услышит в самом заглавии пушкинскую ноту и вспомнит стихотворение 1828 года. Роман

светлый, утверждающий ценность жизни как таковой и неминуемость счастья для того, кто наделён ещё и поэтическим даром.

XLIV

«Говорят, что несчастье хорошая школа: может быть. Но счастье есть лучший университет. Оно довершает воспитание души, способной к доброму и прекрасному, какова твоя, мой друг; какова и моя, как тебе известно», — пишет Пушкин Павлу Нащокину в конце марта 1834 года, вскоре после женитьбы друга. Сказывается личный трёхлетний опыт. За «лучший университет» ему пришлось изрядно побороться.

На тридцатом году жизни его стремление к гармоничной семейной жизни наконец совпадает со страстным увлечением. 6 декабря 1828 года он приезжает в Москву и останавливается в гостинице «Север» в Глинищевском переулке. В том же месяце на общественном балу у танцмейстера Иогеля он знакомится с шестнадцатилетней Натальей Гончаровой. Девушка исключительно красива, её манеры исполнены внутреннего достоинства. Ничего вульгарного.

Пушкину сразу становится ясно, что завоевать любовь «самой романтичной красавицы нашего поколения» (как назовёт её потом друг Вяземский) будет нелегко. Мать девушки Наталья Ивановна — дама властная и капризная, отец Николай Афанасьевич некогда был человеком добропорядочным и образованным, но вот уже 15 лет как пребывает в клиническом безумии. Семья большая и отнюдь не благополучная. Но для Пушкина истинное счастье — это сбывшееся желание, осуществлённое намерение. Он не отступит.

Желание обрести семейный покой парадоксальным образом сочетается в его настроении с «охотой к перемене мест» — свойство, которым он в восьмой главе наделит Онегина. В марте он выписывает подорожную в Тифлис, о чём агент Третьего отделения незамедлительно информирует управляющего фон Фока.

Остановившись в Москве, Пушкин почти каждый день бывает у Ушаковых. Услышав, что Екатерина помолвлена с князем Долгоруковым, восклицает: «С чем же я-то остался?» — «С оленьими рогами», — в тон отвечает ему Елизавета, намекая на Анну Оленину. Но это теперь уже только шутки.

В это время становится известно о гибели русского посольства в Тегеране. В доме почтового директора Булгакова его юная дочь Катя поёт романсы на стихи Пушкина, а потом говорит поэту, чтобы он не ездил на Кавказ и в те края, где убили Грибоедова. «Будьте покойны, сударыня, неужели в одном году убьют двух Александров Сергеевичев! Будет и одного», — отвечает Пушкин.

В Петербурге тем временем выходят поэма «Полтава» и второе издание первой главы «Онегина». Реализацией переиздания занимается книгопродавец Смирдин, уже выпустивший вторыми изданиями «Бахчисарайский фонтан», «Кавказского пленника», «Руслана и Людмилу».

Пушкин подумывает об издании трёхтомника, советуется на этот счёт с Плетнёвым. Решено, что лучше будет новое четырёхтомное издание только лирических стихотворений. Теперь забота о гонорарах становится ещё насущнее.

В середине апреля Пушкин встречается в Благородном собрании Наталью Гончарову и беседует с ней. После

чего поручает Фёдору Толстому (бывшему врагу, в какой-то степени прототипу Зарецкого в «Онегине», а ныне приятелю) отправиться к матери девушки — Наталье Ивановне с целью сватовства. Та даёт ответ невнятный, неопределённый. Пушкин адресует Наталье Ивановне весьма учтивое письмо, сообщая в конце: «Я сейчас уезжаю и в глубине своей души увожу образ небесного существа, обязанного Вам жизнью».

Перед отъездом Пушкин успевает встретиться со знаменитым поэтом-партизаном Денисом Давыдовым, о чём тот потом вспомнит с гордостью и напишет Вяземскому: «Пушкин хвалил стихи мои, сказал, что в молодости своей от стихов моих стал писать свои круче и приноравливаться к оборотам моим». «Круче» — примечательное словцо.

С московского почтамта на Мясницкой улице Пушкин отправляется 1 мая в южном направлении. Проезжает Калугу, в Орле встречается с легендарным генералом Ермоловым, пребывающим в опале. Между ними происходит сердечный разговор.

Воронежские степи. Зелёная равнина.

В Новочеркасске у поэта обнаруживаются поклонники — дьяки канцелярии донского атамана. А в книжной лавке он, не представляясь, спрашивает, есть ли книги Пушкина. Купец заламывает цену в четыре или пять раз выше обычной. «Очень уж приятная книжка», — говорит.

По пути Пушкину встречается калмыцкая кибитка. Он, затеяв разговор с девушкой, пробует калмыцкого чая с бараньим жиром и солью. Этот эпизод найдёт отражение и прозаическое, и стихотворное («Прощай, любезная калмычка...»).

Пушкин начинает вести путевые записки, которые потом превратятся в «Путешествие в Арзрум». Ждёт okazji в Екатеринодаре, останавливается во Владикавказе. В дороге встречает своё тридцатилетие. Меж тем в Петербурге выходит первая часть «Стихотворений Александра Пушкина» и продаётся по цене десять рублей за экземпляр. Автор встретится со своей новой книгой только осенью.

Почти две недели Пушкин проводит в Тифлисе. Военный губернатор Стрекалов организует за ним тайный надзор. Приглашает к себе на обед. «И за столом у них гостям носили блюда по чинам», — шутил Пушкин во второй главе «Онегина» насчёт патриархальных обычаев Лариных. А тут он сам оказывается жертвой лакейского чиновничества. «...По несчастью, у него разносили кушанья по чинам, а за столом сидели английские офицеры в генеральских эполетах. Слуги так усердно меня обносили, что я встал из-за стола голодный. Чёрт побери тифлисского гастронома!» — читаем в «Путешествии в Арзрум».

Но бывают и совсем другие приёмы. Пушкина то и дело зовут на частные завтраки, обеды и ужины, а однажды ему устраивают персональный праздник «в европейско-восточном вкусе». Более тридцати гостей. Музыканты и танцовщики разных азиатских народов. Виноградный сад, освещённый фонарями и восковыми свечами. В центре сада — вензель с именем виновника торжества.

На поэта надевают венок из цветов, сажают в кресло, которое поднимают на плечах под общее ура. «Я не помню дня, в который я был бы веселее нынешнего; я вижу, как меня любят, понимают и ценят, — и как это

делает меня счастливым!» — так зафиксировал потом ответ увенчанного поэта публике Константин Савостьянов — молодой чиновник канцелярии военного губернатора и горячий пушкинский поклонник.

XLV

Пушкин получает от Николая Раевского записку с предложением приехать в Карс и присоединиться к армии. 9 июня он выезжает из Тифлиса, а на следующий день происходит знаменательная встреча, которая потом в «Путешествии в Арзрум» будет описана так: «Я переехал через реку. Два вола, впряжённые в арбу, подымались по крутой дороге.

Несколько грузин сопровождали арбу. “Откуда вы?” — спросил я их. “Из Тегерана”. — “Что вы везёте?” — “Грибоеда”. Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис. Не думал я встретить уже когда-нибудь нашего Грибоедова! Я расстался с ним в прошлом году в Петербурге пред отъездом его в Персию.<...> Он был печален и имел странные предчувствия. <...> Он погиб под кинжалами персиян, жертвой невежества и вероломства. Обезображенный труп его, бывший три дня игралищем тегеранской черни, узнан был только по руке, некогда простреленной пистолетною пулею».

Творческое воображение то и дело получает новую пищу. Вот автор «Путешествия в Арзрум» пробуждается утром в селении Гумры: «Я вышел из палатки на свежий утренний воздух. Солнце всходило. На ясном небе белела снеговая, двуглавая гора. “Что за гора?” — спросил я, потягиваясь, и услышал в ответ: “Это Арарат”. Как сильно действие звуков! Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к её вершине с надеждой

обновления и жизни — и врана и голубицу, излетающих, символы казни и примирения...»

На самом деле из Гумров виден Арагац (он же Алагез). То ли казак оговорился, то ли Пушкин ослышался. Но «действие звуков» — реально.

Чувство границы... Это, быть может, самое сильное переживание Пушкина во время путешествия. О побеге из России помышлял он и в Одессе, и в Михайловском. Для ссыльного за граница была отдалённой мечтой. А тут она предстаёт физической реальностью: «Перед нами блистала речка, через которую должны мы были переправиться. “Вот и Арпачай”, — сказал мне казак. Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда ещё не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моею любимую мечтою. Долго вёл я потом жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по северу, и никогда ещё не вырывался из пределов необъятной России. Я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоёван: я всё ещё находился в России».

«Увидеть чуждые страны» поэту так и не доведётся.

В Карсе Пушкин после долгого перерыва встречается с Николаем Раевским. Тот был три года назад арестован за связи с декабристами, но вскоре освобождён. Недавно дослужился до генерал-майора (в сентябре 1829 года его отстранят от службы за контакты с декабристами, на этот раз ссыльными).

У Раевского адъютантами служат Лев Пушкин и Михаил Юзефович, с которым поэт знакомится, придя навестить брата. Подходящая компания для того, чтобы по-

читать вслух «Годунова», поделиться планами завершения «Онегина». Когда Пушкин хочет подарить Юзефовичу на день рождения чистовой автограф «Кавказского пленника», генерал Раевский отнимает у адъютанта рукопись, мотивируя это тем, что именно ему посвящена поэма. Юзефовичу приходится довольствоваться автографом стихотворения «К морю».

Пушкин захватил с собой в путешествие Шекспира в оригинале. Читает брату и его другу отдельные сцены и тут же переводит. Произношение его кажется Юзефовичу, некогда учившему этот язык, странным. На следующий день он зазывает для «экспертизы» своего родственника Чернышёва, свободно владеющего английским. Тот смеётся, услышав пушкинское чтение, да и сам поэт хохочет, объясняя: английский язык он освоил самоучкой, не имея представления о произношении. Зато понимание языка и качество перевода у Пушкина «эксперт» находит безупречным.

Поэта представляют генерал-фельдмаршалу Паскевичу, графу Эриванскому, командующему отдельным Кавказским корпусом. Тот встречает гостя ласково.

Здесь Пушкин находит товарища по Лицею Владимира Вольховского, младшего брата Ивана Пуцина — Михаила, тоже декабриста, разжалованного по суду в рядовые, а теперь дослужившегося до поручика.

Четырнадцатого июня происходит перестрелка с турками. Пушкин садится на лошадь и скачет к аванпостам. Хватает пику убитого казака и рвётся в бой. Раевский посылает майора Семичева унять «новобранца-поэта». Но стихотворение «Делибаш» по свежим впечатлениям написано. И рисунок Пушкина останется: там он на коне, в бурке, в круглой шляпе и с пикой в руке.

Не раз доводится Пушкину наблюдать «жаркое дело». 19 июня он по поручению Раевского везёт Паскевичу донесение «о совершенном поражении неприятеля». 25 июня объявляется поход на Арзрум, а через два дня, как потом напишет Пушкин, «русское знамя развилось над арзрумской цитаделью».

Пушкин покидает Арзрум 19 июля (по другим данным, 21-го). О своём прощании с Паскевичем он напишет потом: «Граф предлагал мне быть свидетелем дальнейших предприятий. Но я спешил в Россию... Граф подарил мне на память турецкую саблю. <...> В тот же день я оставил Арзрум». При этом присутствовал Вольховский, с его слов будет передана иная версия: Паскевич, уставший от безрассудного поведения поэта и не нашедший с ним общего языка, настоял на отъезде, говоря, что жизнь Пушкина «дорога для России».

Пушкин приезжает в Тифлис, где проводит «несколько дней в любезном и весёлом обществе». Потом едет на воды. Во Владикавказе встречается с Михаилом Пущиным, у того на столе находит русские журналы. В «Вестнике Европы» — недоброжелательная статья Надеждина о «Полтаве». «Таково было мне первое приветствие в любезном отечестве», — напишет потом Пушкин, завершая «Путешествие в Арзрум». А в «Невском альманахе» за 1829 год помещены шесть виньеток — иллюстраций к «Евгению Онегину», выполненных художником Нотбеком. На одной из них Пушкин и Онегин стоят на набережной Невы с видом на Петропавловскую крепость. Пушкин и сам когда-то сделал набросок на эту тему и просил брата, чтобы тот заказал рисунок профессиональному художнику: «Найди искусный и быстрый карандаш». Но первая глава, как и последующие,

вышла без картинок. Теперь же замысел поэта предстал искажённым: и место не совсем то, и Пушкин стоит спиной к Неве. У него тут же рождается эпиграмма, которую он вписывает рядом с картинкой (текст приводим так, как он представлен в воспоминаниях Пущина):

Вот перешедши мост Кокушкин,
Опершись ж<...>й о гранит,
Сам Александр Сергеич Пушкин
С monsieur Онегиным стоит.
Не удостоивая взглядом
Твердыню власти роковой,
Он к крепости стал гордо задом:
Не плюй в колодец, милый мой!

Заметим, кстати, что это редкий случай, когда поэт называет себя по имени, отчеству и фамилии (примечательно, что в комическом контексте). Как поэт он — Александр Пушкин, в быту — Александр Сергеевич. Официально-помпезная модель именования «Александр Сергеевич Пушкин» утвердится позже. Вообще-то классик — это тот, кого называют одним словом, чья фамилия и есть имя: Пушкин, Гоголь, Лермонтов. (За исключением разве тех случаев, когда имеются однофамильцы, тогда говорят: Лев Толстой.)

А ещё одна иллюстрация, где Татьяна (почему-то пышнотелая и с обнажённой правой грудью) пишет письмо Онегину, просто насмешила автора. Он тут же выдаёт эпиграмму, которую Пущин запоминает не полностью, не с начала: «Пупок чернеет сквозь рубашку. / Наружу титька — милый вид...» и т. п.

XLVI

Пушкин с Михаилом Пущиным и Руфином Дороховым едут в Горячеводск (позже он будет называться Пятигорском). Потом Пущин отправляется в Кисловодск, а Пушкин с Дороховым прибывают туда позже, успев проигратися в карты «до копейки». «Пушкин проиграл тысячу червонцев, взятых им у Раевского на дорогу», — вспомнит потом Пущин.

Среди новых знакомцев Пушкина — Василий Дуров, младший брат «кавалерист-девицы» Надежды Дуровой. Отчаянный игрок и женолюб. Пушкин запомнит и запишет потом в своём фрагментарном цикле «Table-Talk» рассказ Дурова о том, как, будучи городничим в Елабуге, он освободил от наказания кнутом одну рыжую бабу, уже привязанную к столбу, после чего жил «несколько дней с прекрасной каторжницей». Вспомнит Пушкин и бесшабашные фантазии Дурова о том, какими способами он собирается добыть 100 тысяч рублей. И вот этот, как сказали бы сегодня, совершенно отвязный человек становится попутчиком Пушкина, обыгрывает его в карты на пять тысяч.

Из Новочеркаска Пушкин отправляется в Москву один и прибывает туда примерно 20 сентября. Пять месяцев длилось путешествие.

Происходит первая встреча автора с книгой «Стихотворения Александра Пушкина», которая вышла в конце июня. Из гостиницы «Англия» в Глинищевском переулке Пушкин устремляется к Гончаровым, где Наталья Ивановна принимает его весьма прохладно, а с Натальей Николаевной увидеться совсем не удаётся. Матримониальные планы откладываются на неопределённый срок.

XLVII

В октябре Бенкендорф адресует Пушкину строгий письменный выговор — от имени государя и своего: «...Покорнейше прошу Вас уведомить меня, по каким причинам не изволили Вы сдержать данного мне слова и отправились в закавказские страны, не предупредив меня о намерении Вашем сделать сие путешествие». Приходится письменно оправдываться: мол, хотел встретиться со служащим в армии братом, но не застал в Тифлисе армию и т. д., каяться в опрометчивости. Всё это довольно унижительно.

Но состоявшееся путешествие — уже неотъемлемая часть пушкинской жизни. И теперь он отправляет в странствие своего Онегина, по другому, правда, маршруту, намереваясь сделать это восьмой главой романа (потом план перестроится: вместо намеченных девяти глав будет восемь, а «Отрывки из путешествия Онегина» в отдельном издании станут своеобразным «приложением» к основному тексту). А сам автор, наведавшись в Тверскую губернию к Осиповым—Вульф, пофлиртовав в очередной раз с «потолстевшей» Netty — Анной Ивановной Вульф («Вот уж третий день, как я в неё влюблён» — из письма Алексею Вульфу), едет в Петербург, где останавливается всё в той же гостинице Демута.

Пушкин вновь вливается в литературную жизнь столицы. Дельви́г берётся издавать «Литературную газету» по образцу французских периодических изданий. Без политики и без полемики. Злые языки говорят, что барон для такой работы слишком ленив. В качестве редактора Дельви́г привлекает Ореста Сомова, сотрудничавшего прежде с «Сыном отечества» и «Северной пчелой», но выжитого оттуда Булгариным. Услыхав о новой должно-

сти Сомова, Булгарин озлобляется и открыто грозит новому изданию своими будущими нападкамии. Публике обещано участие в «Литературной газете» Пушкина, Баратынского и других знаменитостей.

Первый номер выходит 1 января 1830 года. Через два дня Дельвиг уезжает в Москву, оставляя новорождённое издание на попечение Пушкина.

Так начинается год, кульминационный для Пушкина во многих отношениях.

После долгого перерыва он встречается с Каролиной Собаньской, та просит его написать своё имя на странице альбома. Пушкин отвечает стихотворением «Что в имени тебе моём?», которое Собаньская вклеивает в свой альбом, сопровождая датировкой: 5 января 1830.

Сохранились также два черновика пушкинских посланий к Собаньской, написанных по-французски. Они напоминают набросок литературного произведения, адресату дано имя Элеонора. Любовная игра на грани реальности и вымысла облекается в эмоционально напряжённые фразы: «Сегодня 9 годовщина того дня, когда я Вас увидел в первый раз. Этот день решил мою судьбу... Я рождён, чтобы Вас любить и следовать за Вами...»

И всё же это, по-видимому, последняя вспышка былого чувства. Пушкин, как это не раз бывало прежде, и в стихах, и в письмах, создаёт обобщённый образ Женщины, образ женственности как таковой. Каролина Собаньская — одно из воплощений этого «сборного» пушкинского идеала. Она привлекала его и неотразимым кокетством, и авантюризмом характера. Большой степенью витальности, говоря современным языком. Это свойство Пушкин ценит не только в женщинах.

Он не оставляет намерения вырваться за границу. 7 января обращается к Бенкендорфу с просьбой разрешить ему путешествие во Францию или Италию. Как альтернативный вариант — поездка в Китай в составе отправляющегося туда посольства. Но — увы! Вскоре Пушкин получает ответ: «Его Императорское Величество не соизволил удовлетворить Вашу просьбу о разрешении поехать в чужие края, полагая, что это слишком расстроит Ваши денежные дела, а кроме того отвлечёт Вас от Ваших занятий». Отказ командировать его в Китай мотивируется тем, что состав делегации уже утверждён и не может быть изменён без согласования с Пекином.

Да, в те времена власть ещё не додумалась до того, чтобы отправлять писателей в зарубежные поездки за счёт государства, а за это требовать от них идеологического послушания. Пушкина донимают мелочной опекой, делают замечания даже по поводу его манеры одеваться. На балу у французского посла Пушкин появляется во фраке. Это воспринимается как отклонение от «дресс-кода», и царь через Бенкендорфа поучает поэта: дворяне должны в таких случаях надевать «мундир тех губерний, в коих они имеют поместья».

В начале марта Пушкин без спросу отлучается в Москву, заезжая по пути в Малинники. Является в Благородное собрание на благотворительный концерт, где встречается с Натальей Николаевной. Мероприятие отмечено «государевым визитом» — возможно, юная Гончарова именно здесь впервые попадает в поле зрения царя.

И за эту самовольную отлучку Пушкин получит нагоняй от Бенкендорфа. Оправдываясь в ответном письме, он попросит царя защитить его от нападков Булгарина и

разрешить поездку в Полтаву, для встречи с опальным Николаем Раевским. Но даже в такой поездке ему будет отказано.

XLVIII

Литературные войны уже утомляют Пушкина. Ему хочется покоя, а путь к мирной жизни — женитьба. Знакомый офицер Иван Лужин беседовал в Москве с матерью и дочерью Гончаровыми и услышал от них «благоклонное слово» о претенденте на руку Натальи Николаевны. Пушкин пользуется этим малым поводом и пишет Наталье Ивановне большое письмо, где не утаивает своих сомнений насчёт благополучия чаемого брака, но всё же стоит на своём. А 6 апреля, в Пасхальное воскресенье, отправляется на Большую Никитскую свататься. По дороге заезжает к Нащокину в Николопесковский переулочок, чтобы тот одолжил ему фрак. «Нащокинский фрак» отныне станет его талисманом, поскольку на этот раз дело увенчивается успехом.

Родители Пушкина в восторге. Надежда Осиповна обещает, что мадемуазель Гончарова будет ей так же дорога, как родные дети. Сергей Львович, отвечая письмом на известие от сына, впадает в высокий стиль: «Тысячу, тысячу раз да будет благословен вчерашний день...» Пафос становится умереннее при переходе к материальным расчётам. В итоге отец передаст сыну «в вечное и потомственное владение» 200 душ в сельце Кистенёве Нижегородской губернии.

Пушкин «очарован и огончарован» — острит брат Лев. Эту шутку подхватывают и дядя Василий Львович, и Екатерина Ушакова, всё ещё полагая насчёт «нашего самодержавного поэта», что он, «наверное, притворяет-

ся по привычке» (из её письма брату). На обеде у Ушаковых Пушкин ни словом не обмолвился о предстоящей женитьбе.

Вслед за родителями он оповещает о предстоящем событии верховную власть. Пишет Бенкендорфу 16 апреля 1830 года: «Я женюсь на м-ль Гончаровой, которую Вы, вероятно, видели в Москве. Я получил её согласие и согласие её матери; два возражения были мне высказаны при этом: моё имущественное положение и моё положение относительно правительства». Пушкин, по сути, просит о политической реабилитации, при этом отнюдь не желая превращаться в чиновника: «Мне не может подойти подчинённая должность, какую я только могу занять по своему чину. Такая служба отвлекла бы меня от литературных занятий, которые дают мне средства к жизни, и доставила бы мне лишь бесцельные и бесполезные неприятности».

Такова позиция литератора-профессионала, отстаивающего своё право полностью посвятить жизнь главному делу. Для сравнения: Вяземский в то же самое время после долгого перерыва возвращается на госслужбу. Он становится чиновником по особым поручениям Министерства финансов, во главе которого стоит Е.Ф. Канкрин. «Я также со вчерашнего дня женился на Канкрине. Твоя невеста красивее», — невесело шутит он в письме Пушкину. Тут же он советует: «Жуковский думает, что хорошо бы тебе воспользоваться этим обстоятельством, чтобы просить о разрешении печатать Бориса, представив, что ты не богат, невеста не богата, а напечатание трагедии обеспечит на несколько времени твоё благосостояние. Может быть, царь и вздумает дать приданое невесте твоей».

Совет дельный, но запоздалый: Пушкин уже завершил своё письмо Бенкендорфу именно просьбой об издании «Бориса Годунова». Причём он желает «напечатать трагедию в том виде, как я считаю нужным». «Эстетические» придирки царя (или его «экспертов») он вежливо, но решительно отклоняет.

И добивается своего. 28 апреля получает от царя через Бенкендорфа снисходительное одобрение женитьбы вкупе с отеческими наставлениями, а главное — в самом конце одна фраза о трагедии: «Его Императорское Величество разрешает Вам напечатать её за Вашей личной ответственностью».

Шестого мая — помолвка. Затем — хлопоты по имущественным делам. Переписка с Плетнёвым и Погодиным по поводу гонораров: друзья бьются за то, чтобы выжать для Пушкина максимум доходов от всех изданий, в том числе будущих. Родители невесты дать приданое не в состоянии. Правда, дед Натальи Афанасий Николаевич Гончаров, уже растративший изрядное состояние, сулит молодым 300 душ и в придачу — бронзовую статую Екатерины II, которую можно продать на переплавку (Николай I даже даст на это разрешение, но до конца дело доведено не будет). Невеста и жених отправляются с визитом в имение деда невесты Полотняный Завод, что в Калужской губернии.

А 26 мая, в день рождения Пушкина, двое калужан — владелец книжного магазина Антипин и мещанин Абакумов — пешком приходят в Полотняный Завод (а это вёрст двадцать от города), чтобы выразить почтение поэту. Получают от него автограф — записку с благодарностью за лестное внимание почтенных соотечественников. Уносят как реликвию.

«Поэт, не дорожи любовью народной...» — так начнётся знаменитый пушкинский сонет «Поэту», который он напишет буквально через месяц, в начале июля. Опять-таки это гипербола мысли, художественное её заострение. Любовью реальных читателей, особенно из народа, поэт отнюдь не тяготится.

Пушкин проводит три недели в Петербурге. О его настроении свидетельствует, например, такая запись в дневнике австрийского посла Фикельмона: «...Он приезжал сюда на некоторое время, чтобы устроить дела, и теперь возвращается, чтобы жениться. Никогда ещё он не был таким любезным, таким полным оживления и весёлости в разговоре».

Тридцатого июля Пушкин пишет из Петербурга невесте: «Прекрасные дамы просят меня показать Ваш портрет и не могут простить мне, что его у меня нет. Я утешаюсь тем, что часами простаиваю перед белокурой мадонной, похожей на Вас как две капли воды; я бы купил её, если бы она не стоила 40 000 рублей». Это о старинной копии с «Бриджуотерской мадонны» Рафаэля, выставленной на продажу в витрине книжной лавки на Невском проспекте.

К этому времени уже написано стихотворение «Картина (Сонет)», которое потом будет названо «Мадона», завершающееся строкой «Чистейшей прелести чистейший образец». Оно для русской культуры станет знакомым: это своеобразная эмблема любовно-эстетического отношения поэта к его избраннице.

В Москву Пушкин приезжает вместе с Вяземским и останавливается в его доме. Навещает смертельно больного дядю Василия Львовича. Тот, увидев племянника и

коллегу, вдруг оживает для профессионального разговора. «Как скучен Катенин!» — отзывается он о критических статьях известного поэта и критика, опубликованных в «Литературной газете».

Так прощаются два Пушкина. На следующий день Василий Львович угасает в возрасте шестидесяти четырёх лет. Похороны оплачивает племянник.

Траур по дяде отдаляет свадьбу. И вообще над ней нависает угроза. Наталья Ивановна устраивает будущему зятю «нелепую сцену», как он о том пишет княгине Вере Вяземской, добавляя: «Ах, что за проклятая штука счастье!»

Пушкину надо ехать в Нижегородскую губернию, и на прощание он пишет невесте: «Если Ваша матушка решила расторгнуть нашу помолвку, а Вы решили повиноваться ей — я подпишусь под всеми предложениями, какие ей угодно будет выставить, даже если они будут так же основательны, как сцена, устроенная ею мне вчера...» И дальше, уже без сарказма, с отважной прямоотой: «Во всяком случае Вы совершенно свободны; что же касается меня, то заверяю Вас честным словом, что буду принадлежать только Вам, или никогда не женюсь».

С юга по Волге идёт холера. Но Пушкина это не останавливает. Вяземский и Погодин провожают его. По дороге он видит, что Макарьевская ярмарка, проходившая в Нижнем Новгороде, уже разогнана страхом холеры. Возвращаться Пушкин считает малодушием — он едет, как потом напишет в своих записках, словно на поединок. 3 или 4 сентября прибывает в наследственное имение Болдино, само название которого впоследствии станет символом бурного вдохновения и фантастической литературной продуктивности.

XLIX

Небогатый одноэтажный дом с мезонином. Тихо. Степь кругом. Соседей ни души. Можно вволю ездить верхом и писать. Настроение Пушкина противоречиво: то он рад тому, что убежал от жизни, то снова скучает по ней. Эта непрерывная смена намерений и создаёт необходимый ритм письма. У человека-мира два полюса: склонность к уединению и общительность. Напряжение между ними — источник творения. Той осенью оно достигло максимума — в этом возможное объяснение болдинского прорыва.

Седьмого сентября готово стихотворение «Бесы» — самое, быть может, тревожное из пушкинских произведений. Новый трагический символ потом даст имя пророческому роману Достоевского. «Закружились бесы разны...» — это отзовется и в русской поэзии XX века, особенно в блоковских «Двенадцати».

А уже на следующий день рождается «Элегия», исполненная мудрости и философского стоицизма. «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...» — в этом стихе сначала было «мыслить и мечтать», но замена глагола укрупнила смысл, придала ему парадоксальную новизну. Необходимость страдания — это опять-таки предсказывает «достоевскую» этику. А финал трогательно прост:

И может быть — на мой закат печальный
Блеснёт любовь улыбкою прощальной.

Девятого сентября с налёту пишется повесть «Гробовщик», герой которой Адриан Прохоров переезжает с

Басманной (неподалёку от которой родился автор) на Никитскую (где обитает его невеста). И тут же автор получает желанное послание: под текстом «Гробовщика» в тетради значится: «Письмо от Nat.». Письмо не сохранится, но главное его содержание станет известно из письма Пушкина Плетнёву того же дня: «Сегодня от своей получил я премиленькое письмо; обещает выдти за меня и без приданого».

Теперь можно и пошутить: «Ты не можешь вообразить, как весело удрать от невесты, да и засесть стихи писать». И закончить письмо другу весьма игриво: «Прости ж, моя милая».

Затем пишется «Сказка о попе и работнике его Балде». При жизни поэта она опубликована не будет, да и потом, чтобы протащить её в печать, Жуковский самочинно заменит «поп толоконный лоб» на «купец Кузьма Остолоп». Сатира на лиц духовного звания недопустима.

Далее — проза. «Станционный смотритель». Ещё одна новая экологическая «ниша» русской прозы. С главного героя Самсона Вырина начнётся литературная история «маленького человека». Хотя глубинный смысл повести всё-таки в том, что маленьких людей не бывает. Так её прочтёт Достоевский и свою интерпретацию вложит в уста Макара Дежушкина в «Бедных людях».

Рассказчик в новой пушкинской прозе не тождествен автору. «Я» здесь совсем не то, что в «Евгении Онегине». Для «Гробовщика» и «Станционного смотрителя» придумывается особенный фиктивный «соавтор». Поначалу он назван Петром Ивановичем, но вскоре станет Иваном Петровичем и получит фамилию Белкин. 20 сентября к двум повестям добавится «Барышня-крестья-

янка», а до и после неё стремительно пишутся строфы «Евгения Онегина».

Онегин отправлен в путешествие (оно пока числится восьмой главой), затем пишется последняя, девятая. 25 сентября подведена черта под романом в стихах, подсчитано, что писался он «7 лет, 4 месяца, 17 дней».

Миг вожделенный настал: окончен мой труд много-летний.

Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?

Так начинается шестистрочное прощание автора с любимым произведением. Стих — стилизация в античном духе, сочетание гекзаметров с пентаметрами. В Болдине Пушкин читает «Илиаду», переведённую год назад Николаем Гнедичем. Эпопея Гомера — всемирный символ и эталон художественности. «Евгений Онегин» станет таковым для отечественной словесности. «Свой подвиг свершив» — в этих словах осознание поэтом масштаба завершённого труда. Много лет спустя и Лев Толстой скажет о «Войне и мире»: «Без ложной скромности это — как “Илиада”».

Главный творческий приём Пушкина — поэтический нарратив, соединение стихового ритма с повествованием. «Евгений Онегин» — самое пушкинское из всех произведений автора. Оно даёт ключ ко всему, что написано до и после.

L

Начинается череда прощаний с женщинами, оставившими след в судьбе Пушкина. 4 октября дана «домовая отпускная» Ольге Калашниковой (получив вольную,

она через год выйдет замуж за мелкопоместного дворянина). А на следующий день — окончательное расставание с EW (монограмма Елизаветы Воронцовой): «В последний раз твой образ милый / Дерзаю мысленно ласкать...»

Роман с этой женщиной продолжался и на расстоянии, оказался он длиною в семь лет — примерно как «Евгений Онегин». Страсть, соизмеримая с целой жизнью, — вот что такое у Пушкина подлинная любовь. Потому поэтическое прощание с Женщиной-Жизнью вбирает всё, что было с автором и что ещё может произойти:

Прими же, дальная подруга,
Прощанье сердца моего,
Как овдовевшая супруга,
Как друг, обнявший молча друга
Пред заточением его.

А в конце ноября Пушкин напишет последнее стихотворение, обращённое к Амалии Ризнич, — «Для берегов отчизны дальней». Она умерла пять лет назад, и любовь, казалось, прошла бесповоротно. «Не нахожу ни слёз, ни пени», — написано в 1826 году. Теперь же — мысль и чувство движутся от смерти — к будущему, к жизни вечной:

Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
А с ними поцелуй свиданья...
Но жду его; он за тобой...

Ц

Пушкину пишется как никогда — и в то же время не сидится ему в болдинской изоляции. 30 сентября он едет к княгине Голицыной (по всей видимости, Анне Сергеевне; есть и другие дамы с тем же именем и с тем же титулом), чьё имение находится на большой дороге, чтобы разузнать у неё, сколько карантинных выставлено на пути к Москве. Поездка напрасная, да к тому же придётся потом объясняться с невестой, ревниво воспринявшей весть о контактах жениха с посторонней княгиней.

Вторую отчаянную попытку он предпринимает в ноябре. Доезжает до уездного города Лукоянова, затем до первого поста, где его заворачивают назад. А тут ещё слухи, что к Наталье Николаевне посватался её давний обожатель по фамилии Давыдов.

Встревоженный Пушкин 18 ноября жалуется невесте: «Отец продолжает писать мне, что свадьба моя расстроилась. На днях он мне, быть может, сообщит, что вы вышли замуж. <...> Прощайте, мой ангел, будьте здоровы, не выходите замуж за г-на Давыдова и извините моё скверное настроение». Писано по-французски, а «мой ангел» вставлено по-русски.

Куда влечёт в это время Пушкина его свободный творческий ум?

В самые разные стороны. В начале октября он напишет весёлую поэму, которая потом получит название «Домик в Коломне». Октава, изысканная восьмистрочная строфа итальянского происхождения, применена для изложения анекдотического сюжета: влюблённый в девушку Парашу кавалер наряжается в женское платье и под именем Мавруши нанимается к матери своей пас-

сии в кухарки. В финале кухарку застают за бритъём. После чего следуют явно пародийная «мораль» и дразнящее завершение: «Больше ничего / Не выжмешь из рассказа моего».

Потом появляется предельно серьёзный «Выстрел» с неразрешённой житейской дилеммой: надо ли отстаивать свою гордость до конца, как Сильвио, — или можно и поступиться ею, как это делает граф? В самом авторе живут оба эти характера. Свою литературную дуэль с Булгариным он продолжает и в Болдине.

Следующая «белкинская» повесть — «Метель», на полях которой в день лицейской годовщины появляется короткая запись: «19 окт. сожж. X песнь». Это о десятой главе «Евгения Онегина», где повествовалось о тайных сходках будущих декабристов. На эти собрания заглядывал сам автор. «Читал свои нозли Пушкин», — говорилось в третьем лице, побывать там предстояло, по видимому, и Онегину. Не только печатать такое, но и писать — явный криминал. Потому автор свой недописанный текст сжигает.

Но при этом уцелевают несколько рукописных листов, на которых в загадочном порядке смонтированы строки из разных строф. Разобраться в этой тайнописи не смогут ни жандармский генерал Дубельт, в руках которого окажется пушкинский архив, ни первый текстолог поэта Павел Анненков. Лишь в 1910 году академик Пётр Морозов найдёт ключ к зашифрованному тексту и догадается, что это фрагменты десятой главы. Они станут печататься в собраниях сочинений Пушкина вслед за основным текстом «Евгения Онегина» с неизбежными отточиями — лишь две строфы предстанут полностью. Poleмика пушкинистов по поводу прочтения отдельных

мест этого текста продолжается по сей день, а поэт Андрей Чернов предложил свою творческую реконструкцию десятой главы, став своеобразным «соавтором» классика.

ЛII

От романтично-ироничной «Метели» с её эффектным хеппи-эндом автор совершает скачок к стихотворной пьесе «Скупой рыцарь». С неё начнётся драматический цикл, куда войдут «Моцарт и Сальери», «Каменный гость» (новая версия вечной темы Дон Жуана — у Пушкина этот персонаж транскрибируется как Дон Гуан), «Пир во время чумы». Представляя в письме Плетнёву из Москвы от 9 декабря свой грандиозный «творческий отчёт» о работе в Болдине, Пушкин напишет: «Несколько драматических сцен, или маленьких трагедий...» Впоследствии выражение «маленькие трагедии» станет неофициальным наименованием цикла, в XX веке под таким названием появятся театральные спектакли и кинофильмы.

«Сверх того, написал около 30 мелких стихотворений», — сообщается в том же послании. Среди этих «мелочей» — легендарные «Бесы» и «Элегия», а также «Дорожные жалобы», «Румяный критик мой, насмешник толстопузый...», «Герой», «В начале жизни школу помню я...». Примечательна широта лирического диапазона — от строгих стилизаций в античном духе («Труд», «Царскосельская статуя», «Рифма», «Отрок») — до субъективно-иррациональных ассоциаций в «Стихах, сочинённых ночью во время бессонницы», предвосхищающих символистскую поэзию рубежа XIX — XX веков.

А ещё в Болдине написаны важные тексты, которые можно отнести к литературной критике и эссеистике (хотя такого слова в ту пору не было).

«Критика — наука открывать красоты и недостатки в произведениях искусств и литературы». «Где нет любви к искусству, там нет и критики». «Состояние критики само по себе показывает степень образованности всей литературы вообще».

«Правдоподобие всё ещё полагается главным условием и основанием драматического искусства. Что, если докажут нам, что самая сущность драматического искусства именно исключает правдоподобие?»

Все эти пушкинские афористические высказывания — из статей и заметок Болдинской осени. Эти три месяца — и нечто из ряда вон выходящее, и наглядная модель всего пушкинского мира. Здесь всё есть, все темы, жанры, стили. Ещё одна жизнь прожита между сватовством и женитьбой.

LIII

Пятого декабря, помаявшись в карантинах на подступах к Москве, Пушкин приезжает в привычную для него гостиницу «Англия» в Глинищевском переулке.

Сразу погружается в поиски денег, просит Нащокина добыть займы две тысячи. Часто видится с невестой, выдерживает нападки озлобленной тётки. Наведывается в Остафьево к Вяземскому, тот находит, что друг его «в ударе».

Отпечатан наконец «Борис Годунов». Не обошлось без цензурных изъятий. Весь тираж закуплен Смирдиным и продаётся по десять рублей (с доставкой — одиннадцать). В первый же день продано 400 экземпляров.

Новый, 1831 год Пушкин встречает «с цыганами и с Танюшей, настоящей Татьяной-пьяной» (из письма Вяземскому). Речь идёт о хоре Ильи Соколова и одной из его солисток. А начинается год с журнальных нападок на только что изданную трагедию. В «Северном Меркурии» Михаил Бестужев-Рюмин за подписью «Издатель» помещает ядовитую реплику, переходящую в «куплетец»:

И Пушкин стал нам скучен,
И Пушкин надоел,
И стих его незвучен,
И гений охладел.
Бориса Годунова
Он выпустил в народ:
Убогая обнова,
Увы! на Новый год!..

Будут и другие наскоки. И не только профессиональные зоилы осуждают «Годунова». Многие читатели искренне не понимают этого произведения и в письмах друг к другу зло о нём отзываются. «“Борис Годунов” слаб», — пишет лицейский директор Энгельгардт. «Галиматья в шекспировском роде» — таков отзыв актёра Василия Каратыгина. Михаил Погодин 20 января записывает в дневнике: «Все бранят “Годунова”».

Пушкин в «Борисе Годунове» опередил господствующие эстетические вкусы. И критики, и читатели редко умеют оценить по достоинству художественную новизну. Особенно когда она предстаёт не в вычурных, а в непривычно простых и свободных формах. И ясный, естественный язык начинают обычно ценить с большим историческим опозданием.

Неожиданное одобрение получает Пушкин от одного придирчивого читателя. «Его величество Государь Император поручить мне изволил уведомить Вас, что сочинение Ваше: Борис Годунов, изволил читать с большим удовольствием», — сообщает Бенкендорф. Вот уж неожиданность.

Защищать «Бориса Годунова» в прессе берётся Дельвиг. Он пишет статью для «Литературной газеты», но внезапно заболевает «гнилой лихорадкой» и вечером 14 января умирает. Пушкин узнаёт об этом через четыре дня. «Вот первая смерть, мной оплаканная», — пишет он Плетнёву. «...Постараемся быть живы» — такими словами заканчивается письмо.

Пушкин будет стараться — до конца.

LIV

Он присматривает дом на Арбате, между церквями Николы в Плотниках и Святой Троицы. Через маклерскую контору нанимает там квартиру на втором этаже. Ссужает 11 тысяч будущей теще на приданое невесте и на свадебные расходы. Пришлось для этого заложить болдинское имение.

Дня за два до свадьбы на Пушкина накатывает грусть. В доме у Нащокина встречает он ту самую цыганку Таню, пение которой слушал под Новый год. Просит её спеть «на счастье». Как-то невесело звучит Танин голос:

Кони разыгрались... А чьи то кони, чьи то кони?
Кони Александра Сергеевича...

Недоброе предчувствие эти кони навеяли. Пушкин плачет, схватившись за голову, потом, не прощаясь, уезжает.

Семнадцатого февраля — мальчишник, или, как ещё тогда говорили, «холостой обед». В дом на Арбате приглашены самые близкие: Нащокин, Вяземский, Баратынский, Языков, Денис Давыдов, Иван Киреевский... Руководит застольем братец Лев. Опять Пушкин грустен. Вечером он отправляется к невесте.

И вот среда, 18-е. Тёща опять капризничает: на карету нет денег или ещё на что-то там. Зять опять раскошеливается. Венчание происходит в церкви Большого Вознесения (Гончаровы живут в её приходе).

Не обходится без накладок. Проходя согласно обряду вокруг аналоя, молодые его задевают. Крест падает. Когда обмениваются кольцами, одно из них падает на пол. Дурные знаки...

Но свадебный обед в доме на Арбате проходит как надо. Туда заранее приезжают Нащокин с Вяземским, и десятилетний сын Вяземского Павел (ему три года назад Пушкин адресовал альбомный экспромт: «Душа моя Павел, держись моих правил...») исполняет роль «иконофора», встречая молодожёнов с образом в руках. Гости любуются красотой новобрачной и радуются веселости супруга, который, увлечшись, говорит о русских былинах, о звучности народного языка.

«Я женат — и счастлив» — эти слова из письма Плетнёву от 24 февраля вполне искренни. Он отдал достаточную дань донжуанству, романтике приятельских пирушек и оргий, культу мужского одиночества. «Благое супружество» — новый для Пушкина опыт. И эмоциональный, и чувственный. Как художник он умеет ценить новизну и пользоваться ею.

Проведя три месяца в Первопрестольной, молодые супруги отправляются в Царское Село, где Плетнёв уже снял им на лето дачный дом.

По пути останавливаются в Петербурге в гостинице Демута на набережной Мойки (забегая вперёд отметим, что, поменяв несколько адресов, Пушкины поселятся совсем рядом на той же Мойке). Успевают за неделю встретиться со многими. Давние пушкинские друзья и знакомые благосклонно принимают Наталью Николаевну. Её красоту хвалят и Элиза Хитрово, и дочь её Дарья Фикельмон, и Екатерина Андреевна Карамзина, и её падчерица Софья. Дамы находят, что женитьба пошла Пушкину на пользу. Долли Фикельмон, впрочем, ощущает некоторую тревогу. «Жена его прекрасное создание; но это меланхолическое и тихое выражение лица похоже на предчувствие несчастья. Физиономии мужа и жены не предсказывают ни спокойствия, ни тихой радости в будущем...» — пишет она Вяземскому.

Двадцатого мая Пушкин посещает Плетнёва. Тот представляет ему молодого писателя Николая Гоголя, произведений которого Пушкин пока не читал.

LV

Дом Китаевой в Царском Селе. Здесь десять комнат, открытая веранда, балкон. В мезонине Пушкин устраивает себе кабинет. Из Москвы потом придёт обоз с вещами.

Утром, приняв холодную ванну и выпив чаю, Пушкин отправляется в кабинет. Работает, балуя себя в минуты отдыха вареньем из крыжовника, до которого он большой охотник.

Потом прогуливается с женой возле озера. Обитатели Царского Села ходят поглядеть на поэта и на Наталью Николаевну — в белом платье, в красной шали и круглой шляпе.

Обретенная Пушкиным семейная гармония располагает его к поискам надёжных основ исторического бытия. Всякие волевые попытки повернуть естественный ход событий видятся ему в негативном свете. Критически анализирует он в своих записках французскую революцию 1830 года. Прочитав неудачный роман Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году», Пушкин принимается за собственное прозаическое повествование на ту же тему. Пишет от женского лица, чтобы патриотический пафос зазвучал интимнее, человечнее.

Он начинает мыслить как политик, и его стратегия — преодоление военных конфликтов. Большую угрозу видит он в Польском восстании, начавшемся в конце ноября 1830 года. Польша тогда объявила о своей независимости, а в феврале 1831 года в неё вошли русские войска. Симпатии Западной Европы на стороне поляков, и это, по мнению Пушкина, может обернуться бедой для России. «С часу на час ожидаем важных известий и из Польши, и из Парижа; дело, кажется, обойдётся без Европейской войны. Дай-то Бог», — пишет он Нащокину.

По России гуляет холера. В Витебске от неё умирает великий князь Константин Павлович. Добирается зараза и до Петербурга, где на этой почве возникает страшный бунт простонародья: из лечебницы выбрасывают больных, убивают врачей. На Сенной площади появляется император Николай и призывает толпу к порядку.

В июле императорский двор приезжает в Царское Село. Незадолго до этого Пушкин обращается к Бенкендорфу с несколькими просьбами и проектами. Напоминает, что до сих пор пребывает в том чине, с которым вышел из Лицея, что ему полагается повышение на две ступени. Готов трудиться. Возможным делом ему видит-

ся редактирование «политического и литературного журнала» с явно утопической установкой приблизить к правительству «писателей с дарованиями». Может быть, Пушкин и сам осознаёт «непроходимость» такого предложения. Потому завершает послание просьбой разрешить ему пользоваться государственными архивами с целью написать «Историю Петра Великого и его наследников до государя Петра III».

Утром 22 июля в парке происходит случайная встреча четы Пушкиных с императорской четой. По ходу разговора Николай I упоминает о своём желании получить от нидерландского короля домик Петра I в Саардаме. Пушкин отвечает, что в таком случае просит назначить его в дворники. К этому моменту царь уже дал распоряжение о зачислении Пушкина в Коллегию иностранных дел «с позволением рыться в старых архивах для написания истории Петра Первого».

Царь о Пушкине говорит с высокомерной иронией: мол, он женат и небогат, надо дать ему средства. И Пушкин в письмах друзьям довольно ироничен: «Царь со мною очень милостив и любезен. Того и гляди попаду во временщики» (из письма Нащокину). Отношения достаточно дистанционны.

В составе царской свиты приезжают Жуковский — как наставник наследника престола (будущего императора Александра II) и 22-летняя фрейлина Александра Россет — умная, образованная, изощрённая в искусстве литературной беседы (вскоре она выйдет замуж за камер-юнкера Николая Смирнова). Пушкин любит с ней поговорить, что вызывает порой ревность Натальи Николаевны.

LVI

У Жуковского с Пушкиным этим летом возникают две общие литературные затеи. Одна — соревнование в сказочном жанре. Жуковский сочиняет «Сказку о царе Берендее» и «Спящую царевну», Пушкин — «Сказку о царе Салтане». Другой совместный проект — политические стихи, отклик на польские события. 2 августа Пушкин пишет пространное стихотворение «Клеветникам России», где обращается к французским парламентариям и журналистам, осуждающим подавление Польского восстания:

О чём шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?

Через две недели Жуковский передаёт рукопись царю и царице. Стихи приняты благосклонно.

Двадцать шестого августа у Натальи Николаевны именины, на следующий день ей исполняется 19 лет, а 4 сентября она представлена императрице Александре Федоровне. В тот же день ротмистр Суворов, внук легендарного фельдмаршала, доставляет в Царское Село известие о том, что русские войска 26 августа взяли Варшаву, войдя в её предместье под названием Прага.

Пятого сентября у Пушкина готово новое политическое стихотворение — «Бородинская годовщина». В нём обыграно совпадение даты взятия Варшавы с «некруглой» девятнадцатилетней годовщиной Бородинского сражения. К побеждённым полякам автор великодушен, а вот высокомерной Европе напоминает о событиях 1812 года, не советуя повторять попытку интервенции.

Жуковский прикладывает к двум стихотворениям Пушкина свою «Старую песню на новый лад», и в итоге составляется книжечка-брошюра. С одобрения Николая I она выходит в свет, отпечатанная в военной типографии небольшим тиражом в 200 экземпляров. Стихотворение «Клеветникам России» перепечатывает газета «Русский инвалид».

Книжечка имеет успех в официальных кругах, её патриотический пафос импонирует и большей части публики. Недовольно только либеральное меньшинство: оно считает, что Пушкин с Жуковским угождают власти. Вяземский называет такие стихи «шинельными». Он полагает, что «нравственная победа» на стороне поляков, а русским гордиться совершенно нечем.

Подобные мнения на страницы прессы, конечно, не проникают. Споры ведутся в устных разговорах, в письмах, в записных книжках (как в случае с Вяземским). Пушкина неожиданно поддерживает Чаадаев. «Вот вы, наконец, и национальный поэт; вы, наконец, угадали своё призвание», — пишет он автору «Клеветников России» и «Бородинской годовщины».

«Народные витии» Западной Европы об этих стихах Пушкина не услышат и никак на них не откликнутся, что сразу предсказал ехидный Вяземский. Да и российская правительственная бюрократия не очень заинтересована в продвижении патриотических стихов на Запад. «То спор славян между собою» — эта строка из «Клеветников России» окажется пророческой в нежелательном для автора смысле.

А что потом? Когда Пушкина посмертно назовут «солнцем русской поэзии», его имперские стихи 1831 года станут для прогрессивной общественности своего рода

«пятнами на солнце». В советское время они будут замалчиваться, поскольку противоречат схематическому мифу о Пушкине-революционере, друге декабристов, борце с самодержавием и его жертве. В начале XXI века вопрос об оценке этих стихов, об их месте в поэзии Пушкина останется открытым. Современный читатель волен решать его по-своему. А помочь тут может пушкинское стихотворение «Эхо», написанное как раз по завершении «Бородинской годовщины»:

Ревёт ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поёт ли дева за холмом —
На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
Родишь ты вдруг.

Ты внемлешь грохоту громов,
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов —
И шлешь ответ;
Тебе ж нет отзыва... Таков
И ты, поэт!

Поэт — эхо, откликающееся «на всякий звук». Этим достигается универсальность творимой художником картины мира. Существует в мире и такой «звук», как патриотическая гордость. Он не остался без пушкинского поэтического «ответа». Без «государственнических» стихов мир Пушкина был бы неполон.

Вскоре, по прочтении «Сказки о царе Салтане», Николай Гнедич назовёт Пушкина «протеем». Протей в гре-

ческой мифологии — божество, способное менять облики. Пушкин как художник перевоплощается и в тираноборца, и в правителя, он умеет ощутить себя и отдельной личностью, и целым государством.

«Протеизм» — это не бесхарактерность, не приспособленчество. Это всеотзывчивость. Свойство не просто большого таланта, а художественного гения, человека-мира. Он творит бескорыстно, не придавая значения ни хвале, ни хуле. В сущности своей искусство самодостаточно и ни в чьём ответе не нуждается: «Тебе ж нет отзыва...»

LVII

Пушкины переезжают из Царского Села в Петербург. Нанятая квартира им не нравится. Дмитрий Николаевич Гончаров живёт на Галерной, там же он находит жильё для сестры с мужем, в доме Брискорн, где они и поселяются 21 октября.

Выходит в свет книга «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П.». К Пушкину заходит юный выпускник Лицея Павел Миллер. Видит книгу на столе и спрашивает: «Кто этот Белкин?» В ответ слышит:

— Кто бы он там ни был, а писать повести надо вот так: просто, коротко и ясно.

Но простота, краткость и ясность пушкинской прозы будут оценены не сразу. Не только при жизни автора, но и потом долго будут преобладать скептические оценки. Белинский отнесёт «Повести Белкина» к «беллетристике». Лев Толстой скажет: «Повести Пушкина голы как-то», хотя сам в поздней своей прозе повернёт в сторону аскетизма и лаконизма. А подлинным наследником Пушкина-прозаика станет Чехов.

Простота и сложность — два полюса искусства. Оба необходимы. За простотой, обретенной писателем в конце, в итоге пути, — небывалая глубина. «Она всего нужнее людям, но сложное понятней им», — скажет потом о такой «неслыханной простоте» Пастернак. За чрезмерную сложность художник платит непониманием профанов. За «неслыханную простоту» — недооценкой эстетов.

Начинается процесс оформления Пушкина на службу. Министр иностранных дел Нессельроде спрашивает императора, каким чином определить «известного нашего поэта». Ответ: отставного коллежского секретаря принять в службу тем же чином (полученным, вспомним, по окончании Лицея). Годовое жалованье — пять тысяч рублей в год, тоже весьма скромное.

Шестого декабря, по случаю «тезоименитства» Николая I, подготовлен пакет высочайших указов о награждениях и повышениях. Согласно одному из них коллежский секретарь Пушкин произведён в титулярные советники. То есть карьерный рост достиг отметки девятого класса по Табели о рангах. Приличные чины начинаются с восьмого, с коллежского асессора (вспомним, что Фамусов безродному Молчалину «дал чин асессора»). Недаром Пушкин за год до того саркастически писал в «Моей родословной»:

Не офицер я, не асессор,
Я по кресту не дворянин,
Не академик, не профессор;
Я просто русский мещанин.

Царь, кстати, «Мою родословную» распространять не рекомендует, находя в этих стихах «много остроумия, но более всего желчи». Стихотворение между тем не столько остроумно, сколько парадоксально.

Пушкин спорит с теми, кто ставит ему в вину «аристократизм», — и вместе с тем не отрекается от своего происхождения, гордится своими предками. Есть аристократы, достигшие знатности ценой унижений и хитрости, угодившие «из грязи в князи». Они Пушкину чужды: «Не торговал мой дед блинами, не ваксил царских сапогов...» Своих предков Пушкин видит людьми гордыми, независимыми, готовыми пожертвовать и свободой, и жизнью ради блага отечества. И неважно, что поэт порой что-то домысливает, идеализирует и даже мифологизирует, — важна сама идея аристократизма («аристократия» по-гречески — «власть лучших») как воплощения нравственной высоты и благородства:

Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин.

«Нижегородский мещанин» — это Кузьма Минин, создавший в 1612 году земское ополчение вместе с аристократом князем Пожарским. Истинный аристократизм состоит не в презрении к «простым людям», а в великодушном чувстве равенства со всеми на свете. В первоначальном тексте стихотворения был эпиграф из песни Беранже: «Je suis villain...» («Я простолюдин...»). Демонстративно назвать себя «простолюдином» — это особый аристократический шик.

Аристократический демократизм — это и вектор пушкинского творческого пути. Как художник он идёт к кристальной ясности, доступности — не в ущерб глубине. «Повести Белкина» — наглядное тому доказательство.

В качестве титулярного советника Пушкин зачислен в Коллегию иностранных дел с начала 1832 года, а 27 января он принимает присягу и даёт расписку о непринадлежности к тайным обществам и масонским ложам.

К читателям приходит восьмая глава «Евгения Онегина» (до издания романа единым томом остаётся ещё год с небольшим). И примерно в это же время бывший «архивный юноша» и добрый знакомый поэта Николай Мельгунов пишет Степану Шевырёву: «В нашей литературе настанет кризис: это видно уже по упадку Пушкина. На него не только проходит мода, но он уже явно упадает талантом».

Евгений Баратынский, одобрявший первые главы «Онегина», по завершении романа отзывается о нём весьма прохладно. «...Форма принадлежит Байрону, тон тоже. <...> Онегин развит не глубоко. Татьяна не имеет особенности. Ленский ничтожен», — пишет он Ивану Киреевскому.

Ещё раньше от «Онегина» отрёкся Николай Языков. Баратынский и Языков — самые сильные поэтические соратники Пушкина (Жуковский — иное, он предшественник и учитель). Обоих он обессмертил в «Онегине», адресовав им сердечные приветы («Певец Пиров и грусти томной...» — о Баратынском в третьей главе; «Так ты, Языков вдохновенный...» в четвёртой главе). Но расходятся пути поэтов. Ничего не поделаешь, и не стоит верить в позднейший миф о «пушкинской плеяде», довольно далёкий от реальности.

В отношениях между писателями импульс отталкивания сильнее, чем тяга к сближению. Сплотить поэтов и прозаиков в стройные ряды, как правило, никому не удаётся. Одна из первых попыток в этом направлении — литературный обед, устроенный 19 марта 1832 года книгопродавцем и издателем Александром Смирдиным. Акция приурочена к переезду смирдинского книжного магазина с Мойки на Невский проспект, в дом напротив Казанского собора.

Стол в зале для чтения накрыт на 80 персон. Тут, как потом вспомнят современники, «и обиженные, и обидчики». Не обходится и без агентов-доносчиков. Звучат тосты за здоровье государя императора, потом за звёзд российской словесности: Крылова, Жуковского, Пушкина, Дмитриева, Батюшкова, Гнедича. Присутствуют Вяземский, Гоголь, Владимир Одоевский, Плетнёв, Сенковский... Знаменитый графоман граф Хвостов тоже тут. Кстати, после того, как выпили за Крылова, великий баснописец захотел провозгласить тост за Пушкина, но его остановили: следующим должен быть Жуковский, а Пушкин уж потом.

Пушкин весел и оживлён. Сыплет остротами. Замечает, что цензор Василий Семёнов (в прошлом лицеист) сидит между двумя редакторами официозной газеты «Северная пчела» Фаддеем Булгариным и Николаем Гречем. И кричит, сидя в отдалении: «Ты, брат Семёнов, сегодня словно Христос на горе Голгофе!» То есть между двумя разбойниками. Общий смех, и сам же Греч шлёт остроумцу воздушный поцелуй. Булгарин, однако, в очередной раз затаит злобу.

Нет мира между литераторами, но временные перемирия возможны.

А одного из «разбойников» — Греча — Пушкин потом попытается привлечь к собственному проекту — изданию газеты «Дневник». В конце мая он получит на это устное разрешение Бенкендорфа. Хочется посостязаться с «Северной пчелой», имеющей десять тысяч подписчиков и приносящей не меньше 80 тысяч годового дохода. В сентябре даже будет изготовлен макет. Но потом Пушкин сам охладает к затее издания в проправительственном формате. Медийный бизнес требует особенной деловой хватки, некоторой доли житейского цинизма. Среди пушкинских дарований такого не имеется.

LVIII

Шестого апреля исполняется два года с того дня, когда Пушкин получил у Гончаровой-старшей согласие на брак. По сему случаю он дарит беременной жене золотое колечко с бирюзой. На внутренней стороне надпись «А.Р. 6 avril 1832». А 19 мая появляется первое дитя Натальи Николаевны и Александра Сергеевича — дочь Мария. Пожалуй, самая известная из детей поэта (их всего будет четверо). Она станет фрейлиной, получит в замужестве фамилию Гартунг и доживёт до 1919 года. Лев Толстой, познакомившись с ней, использует её облик как «натуру» для создания образа Анны Карениной.

Из писем современников:

«Пушкин нажил себе дочь, но стихотворство его что-то идёт на попятную» (Е. Энгельгардт).

«У Пушкина родилась дочь. Не следует ли и здесь подражания Байрону?» (М. Погодин).

К тому времени Пушкины уже перебрались в новую четырнадцатикомнатную квартиру на Фурштадтской улице, в доме Алымова. И здесь они проживут недолго —

только до декабря. Обставляют жилище мебелью из магазина Гамбса. Цены изрядные: в счетах фигурирует, например, ширма в три створки из серого грушевого дерева за 300 рублей. Оплата часто производится с опозданием. В одной из комнат — злополучная статуя императрицы Екатерины, которую владелец хочет продать правительству для размещения в Царском Селе. Приходят эксперты — скульпторы из Академии художеств, составляют акт. Подтверждают, что стоит этот экспонат не меньше 25 тысяч. Увы, через три года «медную бабушку» придётся продать владельцу литейного завода Францу Берду за три тысячи ассигнациями.

Осенью 1832 года Пушкин едет в Москву. Встречается с президентом Академии наук Сергеем Уваровым, в прошлом «арзамасцем», а ныне идущим в гору функционером (через год он станет министром просвещения и выдвинет доктрину «трёх начал» русской жизни: православие, самодержавие, народность). Они направляются в Московский университет на лекцию историка Ивана Давыдова. «Здесь преподаётся теория искусства, а я привёл вам само искусство» — так эффектно представляет Уваров Пушкина студенческой аудитории. Мягко стелет... Скоро он обнаружит своё истинное отношение к «самому искусству».

Лекция посвящена «Слову о полку Игореве». Вслед за Давыдовым на ту же тему выступает Михаил Каченовский, с которым Пушкин воюет уже много лет, жалея его эпиграммами. Это первая личная встреча оппонентов. Давыдов и Каченовский сомневаются в подлинности «Слова», а Пушкин с жаром отстаивает достоинство и достоверность древнерусского эпоса.

В октябре он берётся за большое прозаическое повествование. Нащокин рассказал ему историю белорусского дворянина Павла Островского, который судился за своё имение с богатым противником и в итоге сделался разбойником. Нащокин сам видел этого человека в остроге. Пушкин начинает разрабатывать сюжет, дав главному герою фамилию Дубровский.

LIX

Новый, 1833 год Пушкины встречают на новой квартире, которую снимают с начала декабря. Дом Жадимировского на Большой Морской, угол Гороховой улицы. В двух шагах отсюда — дом княгини Голицыной, куда Пушкин поселит старую графиню в «Пиковой даме» и отправит к ней непрошеным гостем своего героя по фамилии Германн.

В январе Пушкин становится академиком. Выдвинул его кандидатуру Александр Семёнович Шишков — писатель, адмирал, потом министр народного просвещения, основатель собраний под названием «Беседы любителей русского слова». Как убеждённый арзамасец, Пушкин ещё в Лицее дразнил Шишкова эпиграммой, а много лет спустя, описывая в восьмой главе «Онегина» вышедшую замуж Татьяну, послал ему неожиданный привет по поводу непереводаемого французского речения: «Она казалась верный снимок / *Du comme il faut*... (Шишков, прости: / Не знаю, как перевести)». «Комильфо», как мы теперь видим, стало русским словом.

Шишков простил. Он ценит в зрелом Пушкине чистоту языка и ясность смысла. После выборов (Пушкин получил 29 голосов из тридцати, вместе с ним прошли

в академики Михаил Загоскин и Павел Катенин) Шишков подписывает Пушкину диплом.

Нельзя сказать, что на Пушкина сие событие производит сильное впечатление. Побывав на академическом собрании, он скептически оценивает качество поданного угощения (водка и винегрет) и желает академии нанять хорошего повара и закупать французские вина.

В литературной работе Пушкина в это время пересекаются три романские дороги: «Евгений Онегин» — «Дубровский» — «Капитанская дочка».

Роман в стихах Пушкин готовит для книжного издания. Приходится уступить его Смирдину за 12 тысяч да ещё с обязательством не печатать его нигде в течение четырёх ближайших лет. Условия жёсткие. Книга выйдет 20 или 21 марта, а пока автор дописывает свои примечания к роману (они не «дополнение», а неотъемлемая часть текста), включает в него «Отрывки из Путешествия Онегина». Произведение приобретает целостность и в то же время открытость:

Блажен, кто праздник Жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочёл Её романа
И вдруг умел расстаться с ним,
Как я с Онегиным моим.

Роман есть Жизнь, а Жизнь есть Роман. Такое художественное уравнение — высшая точка в развитии отечественной словесности. Повторить этот подвиг в стихотворной форме невозможно, а русский прозаический

роман с тех пор неминуемо оглядывается на «Евгения Онегина». Тип главного героя — сомневающегося и ищущего, тип героини — цельной и развивающейся женственной натуры, открытость финала — всё это наше русское романное ноу-хау.

А тогда, в начале 1833 года, приближаясь, по дантовскому счёту, к пункту «nel mezzo del cammin di nostra vita» («земную жизнь пройдя до половины»), романист Пушкин решает: куда идти дальше?

Начатый сюжет о Дубровском динамичен, но сам тип «благородного разбойника» неминуемо приведёт к однозначному финалу. Либо добро восторжествует и зло будет наказано, либо герой потерпит поражение (обдумывался вариант, при котором героя сдаёт полиции один из его людей). Оба варианта, конечно, далеки от той многозначной модели Романа Жизни, что явлена в главном труде Пушкина.

«6 февр.» — такая дата стоит под законченной частью рукописи. Пушкин больше к ней не вернётся. Текст впервые будет опубликован в 1842 году, издатели дадут ему название «Дубровский». Последняя фраза рукописи «По другим сведениям узнали, что Дубровский скрылся за границу» — станет финалом, сюжетное многоточие превратится в точку. Произведение будет чтением «для детей и юношества», будет изучаться в школе.

А 31 января уже намечен план другого романа: «Шванвич за буйство сослан в гарнизон. Степная крепость — подступает Пугачёв...» Это придуманная ещё полгода назад завязка будущей «Капитанской дочки».

Для написания этой вещи потребуются большая работа с источниками, с архивными документами. И Пушкина такая перспектива привлекает.

LX

Мало кто видит эту погружённость в работу. Молва представляет совсем иной образ поэта. Вот фрагмент письма Петра Плетнёва Жуковскому, пребывающему в Швейцарии: «Вы теперь вправе презирать таких лентяев, как Пушкин, который ничего не делает, как только утром перебирает в гадком сундуке своём старые к себе письма, а вечером возит жену свою по балам, не столько для её потехи, сколько для собственной».

Это пишет, заметим, человек, которому адресовано открывающее текст «Онегина» посвящение: «Не мысля гордый свет забавить, вниманье дружбы возлюбя...» По-видимому, со слов Плетнёва и Гоголь сетует в письме знакомому: «Пушкина нигде не встретишь, как только на балах. Там он протранжирует всю жизнь свою, если только какой-нибудь случай, и более необходимость, не за-тащут его в деревню».

Причина проста: многим просто не хватает внимания со стороны более чем занятого Пушкина, и эта вполне понятная обида творит миф о Пушкине как завсегдае балов, как об азартном «тусовщике», говоря современным словечком.

А двадцатилетняя Наталья Николаевна спешит отвести душу, пока новая беременность не заточит её дома. Огромный успех на бале-маскараде имеет она в костюме жрицы Солнца. К ней подходит с комплиментами августейшая чета, и император объявляет её царицей бала.

Девятнадцатого февраля Смирдин, как и год назад, устраивает большой литературный обед, приурочив к нему выход альманаха «Новоселье». На титульном ли-

сте — гравюра, изображающая аналогичное событие прошлого года. Греч, стоя с бокалом в руке, провозглашает здравицу, а напротив отчётливо виден сидящий за столом Пушкин. В альманахе впервые опубликован пушкинский «Домик в Коломне», написанный в Болдине в 1830 году. (Увы, тонкий пушкинский юмор не будет понят и оценен. Например, критик Николай Надеждин в «Телескопе» выставит автору «отрицательное число с минусом» и обзовет «Домик в Коломне» «рыхлым».)

А на следующий день Пушкин встречается с Гоголем, о чём тот с радостью извещает Погодина (того в свою очередь поэт хочет привлечь к совместной исторической работе). Пушкин в курсе новых замыслов Гоголя, он часто бывает первым слушателем его сочинений.

Он радуется выходу книги стихотворений Языкова, поддерживает рецензией издание стихов и переводов Катенина, хлопочет о посмертной публикации сочинений трагически погибшего в Твери Александра Шишкова-младшего, племянника президента Академии наук («Шалун, увенчанный Эратой и Венерой...» — так обращался к нему Пушкин в 1816 году в Царском Селе). Шишков вызвал оскорбителя жены на дуэль, а тот подстерёг его у крыльца и убил четырьмя ударами кинжала.

Пушкин верен друзьям, коих у него немало.

LXI

Весна и начало лета 1833 года проходят у Пушкина в упорных исторических штудиях и денежных хлопотах, займах и перезаймах. Его семья снимает дачу на Чёрной речке («Миллерову дачу»). В конце июня Пушкин зовёт из Москвы Нащокина, чтобы крестить «Гаврилу Александровича» (хочет дать имя одного из своих ис-

торических предков), однако сын, появляющийся на свет 6 июля, получает имя Александр. Через две недели его крестят, для домашнего торжества в погребке Рауля заказано разнообразных вин на 62 рубля с полтиной.

А 12 августа Пушкин получает отпуск на четыре месяца для поездки в Оренбург и Казань. Своего рода творческая командировка — по местам, где происходит действие нового романа. О том, что уже начата «История Пугачёва», автор предпочёл умолчать.

Семнадцатого августа Пушкин с Соболевским выезжают из Петербурга. Нева провожает их бурей у Троицкого моста. В Торжке разъезжаются. Пушкин проводит день в гостях у Павла Вульфа, посетив любимые Маляники, навещает в Яропольце тещу.

Москва. Починка дорожной коляски затягивается на три дня. После чего Нащокин «шампанским, жжёной и молитвой» провожает друга в Нижний Новгород. Приближаясь к городу, Пушкин встречает этап заключённых, среди них молодая красивая женщина, укрывшаяся от солнца широким капустным листом. На вопрос, за что она осуждена, с невинным выражением отвечает: «Убила незаконнорождённую дочь пяти лет и мать за то, что напрасно журила». Пушкин в ужасе. Протягивает ей деньги. Потом он об этом расскажет Смирновой-Россет.

LXII

Пушкин гуляет по широким улицам Нижнего, заходит в Спасо-Преображенский собор, где видит чугунное надгробие Минину («нижегородскому мещанину»). Обедает у губернатора Бутурлина и прямо от него отправляется в Казань. Там встречается с Евгением Баратынским, который знакомит его с профессором Карлом Фёдоровичем

чем Фуксом (медиком и краеведом) и его женой. С профессором Пушкину говорить интересно, особенно о Пугачёве, супруга же Фукса донимает поэта самодельными стихами, которые он из учтивости хвалит.

В Симбирске он ещё больше разузнает о Пугачёве, который в этом городе побывал дважды — сначала как преступник в цепях, а потом как разоблачённый самозванец в клетке, выставленной на площади. Пушкин хочет повидаться с Николаем Языковым и отправляется в его родовое имение, весьма отдалённое. В селе Языкове, однако, он находит только старшего брата поэта — Петра. Тот оказывается и знатоком пугачёвщины, и просто приятным человеком. Пушкин в письме жене признаётся, что готов его полюбить, как Плетнёва или Нащокина. Сердце всё ещё открыто для новых дружб.

В Оренбурге он сближается с Владимиром Далем, человеком множества дарований: врач, географ, литератор. Даль служит здесь по особым поручениям у военного губернатора Перовского. Год назад он приносил Пушкину свои «Русские сказки». Даль собирает народные слова и речения, и Пушкин энергично поддерживает его в этом перспективном начинании, а ещё советует ему написать роман, жалуясь, что у самого начато целых три, а боится не закончить.

Даль организует для Пушкина в станице Берда встречу с очевидцами пугачёвского бунта. Старики и старухи собираются в доме сотника, гость записывает их рассказы карандашом в книжку. Облик Пушкина привёл народ в замешательство: шляпу не снял, на икону не перекрестился. И ногти длинные, как когти, — прямой антихрист! После разговора Пушкин раздаёт людям не-

сколько серебряных монет, а некоторые брать бояться: небось фальшивые.

Не обходится без курьёзов. Две барышни прослышали от жены Даля, что в их доме будет вечером Пушкин. Они забрались на дерево, чтобы посмотреть на поэта, увидели, как он хохочет, но ничего не услышали: рамы осенью уже двойные в окнах стоят. А Перовскому приходит письмо от нижегородского коллеги Бутурлина: мол, Пушкин под видом изучения пугачёвского бунта едет собирать для правительства сведения о неисправностях.

Пушкин с Далем едут в Уральск. Как потом сам он скажет, поверять «мёртвые документы словами ещё живых, но уже престарелых очевидцев».

Пушкин просит 94-летнего старика Пьянова рассказать про то, как Пугачёв был у него на свадьбе посажёным отцом. И слышит в ответ: «Он для тебя Пугачёв, а для меня он был великий государь Пётр Фёдорович». И ещё старик передаёт доподлинную фразу Пугачёва, произнесённую на свадьбе: «Улица моя тесна...» Эта бесценная находка войдёт и в «Историю Пугачёва», и в «Капитанскую дочку».

Уральские казаки во главе с атаманом Покатиловым дают Пушкину прощальный обед, кормят только что приготовленной икрой.

С Урала Пушкин направляется в Болдино, а по дороге ещё раз заезжает в Языково. На этот раз он застаёт там всех троих братьев Языковых: Петра, Александра и Николая. Он читает им своего «Гусара», рассказывает про Российскую академию, цитирует гоголевскую комедию «Владимир Третьей степени»...

Наутро — в путь.

LXIII

Вторая болдинская осень в жизни Пушкина длится с 1 октября по 9 ноября 1833 года. Закончена «История Пугачёвского бунта», на которую возлагаются большие материальные надежды. «Коли царь позволит мне Записки, то у нас будет тысяч 30 чистых денег. Заплотим половину долгов и заживём припеваючи», — сообщает Пушкин жене 8 октября.

Одновременно он пишет «Сказку о рыбаке и рыбке», поэму «Анджело» (вариацию на тему трагедии Шекспира «Мера за меру») и «Медного всадника», повесть «Пиковая дама». В начале ноября появляется «Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях».

«Медный всадник» — поэма-вопрос. «Петра творенье» прекрасно, но гармония Петербурга достигнута ценой жертв, несчастьями множества людей, подобных бедному Евгению. Как разрешить противоречие между интересами государства и ценностью отдельной личности? Однозначного ответа здесь нет и быть не может. Читателю навеки оставлена возможность этического выбора. Возможно такое истолкование смысла поэмы: противоречие между государством и личностью неизбежно, надо мужественно принять его как данность. Другой возможный читательский ответ: нет, ценность каждой человеческой жизни абсолютна, и гармония, основанная на жертвах, мне не нужна (примерно так мыслил Достоевский; процитировав «Люблю тебя, Петра творенье...», он возражал: «Виноват, не люблю его»). То есть ответов на поэму-вопрос как минимум два. А можно ли понять поэму как утверждение абсолютной ценности государства, имеющего право распоряжаться жизнями людей как строи-

тельным материалом? Мол, цель оправдывает средства, и человек — средство для решения больших государственных задач. Нет, такому тоталитаристскому («сталинистскому», если говорить в контексте XX века) истолкованию пушкинская поэма решительно сопротивляется.

И ещё на этот раз в Болдине рождается «Осень» — стихотворение, которое при жизни автора света не увидит, а потом станет для многих читательских поколений многозначным символом — природы, поэтического вдохновения, бесконечной жизни. Эта вещь написана октавами, как и «Домик в Коломне», только ямба на этот раз не пяти-, а шестистопный, монументальный. Каждая строфа — объёмная картина. Строфу седьмую («Унылая пора! очей очарованье...») дети станут заучивать в школе как отдельное произведение, это своеобразная поэтическая эмблема осени в нашей культуре. А строфа одиннадцатая — своего рода пароль при вхождении в мир литературного творчества. Нет в России пишущего человека, который бы не применил к себе слова: «И пальцы просятся к перу, перо к бумаге...»

Последнюю же, одиннадцатую строфу автор, набросав было шесть строк, сокращает до полустиха: «Плывёт. Куда ж нам плыть?» — после чего следует две с половиной строки, состоящие из точек. Это место, словно оставленное для восполнения, для продолжения. Это знак будущего.

LXIV

Из Болдина Пушкин приезжает в Москву, где дня три-четыре живёт у Павла Нащокина на Остоженке. Тот собирается расстаться со своей сожительницей — цыган-

кой Ольгой Солдатовой и жениться на молодой Вере Нагаевой, внебрачной дочери своего троюродного брата, сановника преклонных лет. В доме Александра Нащокина, камергера и тайного советника, в Скатертном переулке Пушкин знакомится с невестой друга.

— Ну что, позволяешь на ней жениться? — спрашивает Павел Воинович.

— Не позволяю, а приказываю!

С Верой Александровной у Пушкина сразу складываются доверительные отношения. Отправляясь из Москвы домой, он берёт с собой её младшего брата Льва. Тот по большей части молчит, но наблюдает, чем занимается поэт на станциях, пока закладывают лошадей: выходит на дорогу потолковать со встречными мужиками и бабами о их житье-бытье.

Вечером 20 ноября Пушкин после трёхмесячного отсутствия возвращается в Петербург. Уже не на Большую Морскую, а на Пантелеймоновскую, где Наталья Николаевна сняла новую квартиру, в доме капитана Оливио (его называют также Оливье). В бельэтаже. Цена аренды — 4800 в год против 3300 прежней квартиры, к тому же предыдущему хозяину Жадимировскому Пушкины должны выплатить тысячу рублей неустойки.

Но Пушкин считает, что всё в порядке. Жена на балу, и он учиняет сюрприз. Забирается в её карету и посылает лакея вызвать Наталью Николаевну по срочному делу домой. Но не говоря, что в карете кто-то есть. Со второй попытки удаётся. Дама в роскошном розовом платье садится в карету и попадает в объятия супруга.

В конце ноября поэт берётся переписывать «Медного всадника» на хорошей бумаге аккуратным почерком, крупными буквами — чтобы представить царю. Начина-

ет вести дневник — очень лаконичный, где, в частности, 2 декабря записывает: «Вчера Гоголь читал мне сказку: Как Ив. Ив. поссорился с Ив. Тимоф. — очень оригинально и очень смешно». Имеется в виду «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

Два самых остроумных человека России понимают друг друга. Пушкин рассказывает, как нижегородский губернатор Бутурлин, радушно приняв столичного литератора, потом вдруг испугался и отписал оренбургскому коллеге Перовскому: не иначе этому гостю «дано тайное поручение собирать сведения об неисправностях». Этот невыдуманный анекдот пригодится для фабулы «Ревизора». А Пушкин скажет потом: «С этим хохлом надо быть осторожным; он обирает меня так, что и кричать нельзя». Но, конечно, в шутку скажет.

А завершается 1833 год для Пушкина двумя ощутимыми ударами судьбы. Близость к царскому двору выходит боком. Адаптироваться к двусмысленному положению поэту не удалось.

В письме от 6 декабря Пушкин просит Бенкендорфа передать государю «стихотворение, которое я желал бы напечатать» (то есть поэму «Медный всадник») в издаваемом Смирдиным журнале «Библиотека для чтения» «на общих основаниях», то есть пройдя обыкновенную цензуру, не царскую. И ещё он извещает о написанной им «Истории Пугачёвщины», с которой просит ознакомиться его величество.

Высочайший цензор разрешил печататься в журнале на общих основаниях, но в случае с «Медным всадником» проявил абсолютную жёсткость.

Утром 12 декабря Пушкин вызван к Бенкендорфу. Получает от него свою рукопись с редакторскими карандашными пометами. Самый неприятный момент в жизни любого автора. Эти противные вопросительные знаки, NB и отчёркивания на полях... А каково автору, если он — первый поэт России, сделавший на новую поэму решительную ставку — в моральном и в материальном смысле... И если редактор — всевластный суверен, от чьих замечаний никак не отмахнёшься...

Николай не принимает выражения «кумир на бронзовом коне», требует вымарать строфу «И перед младшею столицей / Померкла старая Москва, / Как перед новою Царицей / Порфироносная вдова». Возмущённо отчеркнута вся сцена бунта Евгения, начиная со слов «Добро, строитель чудотворный...».

Уступить? Бросить кость, сделав сокращения? Не получится. Пушкин извещает Смирдина, что этой поэмы в «Библиотеке для чтения» не будет. Потом дело сведётся к публикации отрывка под названием «Петербург». Читатель при жизни Пушкина не прочтёт его итоговой поэмы, не услышит последнего слова поэта об истории, о государстве и личности.

А 30 декабря на балу у графа Алексея Орлова Пушкину сообщают: завтра император подпишет указ о присвоении поэту придворного звания камер-юнкера. С формальной точки зрения вроде бы ничего экстраординарного: по своему чиновному статусу претендовать на звание камергера Пушкин не может. Камер-юнкер — низший чин в придворной иерархии, но в общей Табели о рангах находится на приличном уровне. Попавший в камер-юнкеры вместе с Пушкиным Ремер — коллежс-

кий ассессор (то есть на ступеньку выше титулярного советника). Правда, придворному «товарищу» Пушкина всего 27 лет. А в 34 года начинать придворную карьеру...

В этот момент на балу у Орлова присутствует Лев Сергеевич Пушкин, который потом расскажет: брат, услышав новость, пришёл в бешенство. Его увели в кабинет графа, чтобы успокоить. По воспоминаниям Нащокина, Виельгорский и Жуковский чуть ли не обливали друга холодной водой, а то он готов был отправиться к царю и нагрубить ему.

Запись в пушкинском дневнике: «1 янв. Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры — (что довольно неприлично моим летам). Но Двору хотелось, чтобы NN танцевала в Аничкове. Так я же сделаюсь русским Dangeau». Маркиз де Данжо — мемуарист, подробно описавший жизнь при дворе Людовика XIV. Едва ли Пушкин всерьёз примеряется к такой роли. Но придворный «шутовской кафтан» поносить придётся.

Первый номер «Библиотеки для чтения» за 1834 год включает большое стихотворение Пушкина «Гусар». Гонорар за него — одна тысяча рублей — изрядный. Ровно столько Пушкин выплачивает 3 января домовладельцу Оливио. А купец Жадимировский через управу благочиния добивается от Пушкина неустойки за прошлое жильё — 1063 рубля 33 1/3 копейки.

LXV

Четырнадцатого января 1834 года императрица Александра Фёдоровна записывает в своём дневнике по-немецки: «Представлялась красавица Пушкина».

Двадцать шестого января Пушкин в дневнике описывает свои приключения, последовавшие за представле-

нием жены ко двору: «В прошедший вторник зван я был в Аничков. Приехал в мундире. Мне сказали, что гости во фраках. Я уехал, оставя Наталью Николаевну, и, переодевшись, отправился на вечер к С. В. Салтыкову. Государь был недоволен и несколько раз принимался говорить обо мне: *Il aurait pu se donner la peine d'aller mettre un frac et de revenir. Faites-lui des reproches.* (Он мог бы дать себе труд съездить надеть фрак и возвратиться. Попеняйте ему)».

Похожая история происходит в четверг, когда царь спрашивает у Натальи Николаевны:

«Из-за сапог или из-за пуговиц ваш муж не явился в последний раз?»

Пушкин фиксирует эти разговоры бесстрастно-протокольно. Но его «ошибки» относительно дворцового «дресс-кода» не совсем случайны, о чём догадывается августейший начальник.

И в тот же день появляется запись, которую потом будут часто припоминать и цитировать все биографы: «Барон д'Антес и маркиз де Пина, два шуана, будут приняты в гвардию прямо офицерами. Гвардия ропщет».

«Шуанами» называли сначала участников вандейского восстания 1793 года в поддержку свергнутой монархии (этому посвящён первый роман Бальзака «Шуаны», вышедший в 1829 году). Потом — роялистов 1832 года, объединившихся вокруг герцогини Беррийской — невестки свергнутого во время революции 1830 года Карла X. Александр Тургенев в 1837 году напишет Вяземскому, что Дантес вместе с «Беррийской дюшессой никогда не воевал и на себя всё налгал».

Потом выяснится: маркиз де Пина ни при чём, корнем 8 февраля станет только Дантес, но это уже детали.

Символично, что это записано ровно за три года (плюс один день) до 27 января 1837 года...

LXVI

Пушкин просит помощи в издании «Истории Пугачёвского бунта». И получает её. 28 февраля он записывает в дневнике: «Государь позволил мне печатать “Пугачёва”; мне возвращена моя рукопись с его замечаниями (очень дельными). В воскресенье на бале, в концертной, государь долго со мною разговаривал; он говорит очень хорошо, не смешивая обоих языков, не делая обыкновенных ошибок и употребляя настоящие выражения».

А 6 марта записано: «Царь дал мне займы 20 000 на напечатание “Пугачёва”. Спасибо». Несмотря на близость ко двору, табачок по-прежнему врозь. Речь идёт не о «гранте», не о «спонсорской» поддержке (таких форм ещё не существует), а всего лишь о ссуде, которую историограф должен будет вернуть в течение двух лет, причём с процентами.

Но российская история у Пушкина — не только работа «для прокорма», это предмет страстного интереса. Чуть позже, в апреле, он встретится с Михаилом Сперанским, в ведении которого находится типография, печатающая книгу Пушкина. С увлечением слушает рассказы отставленного реформатора, делится с ним заветными мыслями: «Я говорил ему о прекрасном начале царствования Александра: Вы и Аракчев, вы стоите в дверях противоположных этого царствования, как гении Зла и Блага. Он отвечал комплиментами и советовал мне писать историю моего времени».

Совсем другая интонация в описании балов на Масленицу. До наступления поста двор спешит выполнить и

перевыполнить план по увеселениям. В последний день организуют целых два бала, создавая невероятный ажиотаж: «Избранные званы были во дворец на бал утренний, к половине первого. Другие на вечерний, к половине девятого. Я приехал в 9. Танцевали мазурку, коей оканчивался утренний бал. Дамы съезжались, а те, которые были с утра во дворце, переменяли свой наряд. Было пропасть недовольных: те, которые званы были на вечер, завидовали утренним счастливым. <...> Всё это кончилось тем, что жена моя выкинула. Вот до чего доплясались».

Мать поэта, радовавшаяся светским успехам невестки, сообщает о приключившемся с ней выкидыше дочери Ольге: «И вот она пластом лежит в постели после того, как прыгала всю зиму и, наконец, всю масленую, будучи два месяца брюхата». Винит тётку — фрейлину Загряжскую.

Наступает весна. «Нева вскрылась», как говорят петербуржцы. В Вербное воскресенье 15 апреля Пушкин провожает жену с двумя детьми в Полотняный Завод. По пути они заезжают в Москву. Там Наталья Николаевна встречается с сёстрами Екатериной и Александрой, которые в ссоре со своей нервной матерью. Наталья Николаевна озабочена их судьбой, хочет пристроить их в фрейлины.

В уединении Пушкину не дают покоя: вызывают к оберкамергеру, чтобы «мыть голову» за то, что не был у обедни. Он исправляться не думает и вдобавок пропускает бал в честь совершеннолетия наследника. Гуляет в это время в толпе на набережной Фонтанки возле дома Нарышкина, куда приглашено 1800 гостей. «Было и не слишком тесно, и много мороженого, так что мне бы очень

было хорошо. Но я был в народе, и передо мной весь город проехал в каретах...» Вот удобная позиция для художника и историка.

Он часто пишет жене, но постепенно выясняется, что их переписка становится известной посторонним лицам. Московский почтовый директор Александр Булгаков, с которым у Пушкина были хорошие отношения и который о творениях поэта отзывался доброжелательно и толково, — этот человек вдруг оборачивается «негодяем Булгаковым», вскрывающим чужие письма и докладывающим о них куда следует. Пушкин в письме жене (не сохранившемся) просит её соблюдать эпистолярную осторожность.

Начинается же всё с его писем жене от 20 и 22 апреля 1834 года, где он комментирует своё нежелание присутствовать на праздновании совершеннолетия наследника (в Пасхальное воскресенье 22 апреля): «К наследнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен; царствие его впереди; и мне, вероятно, его не видать. Видел я трёх царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упёк меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвёртого не желаю; от добра добра не ищут. Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфирородным своим тёзкой; с моим тёзкой я не ладил. Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями! В стихах он отца не перещеголяет, а плетью обуха не перешибёт».

Три царя — это Павел I, Александр I и Николай I. «Порфирородный тёзка» маленького Сашки — наследник, будущий Александр II.

Александр Александрович Пушкин стихов писать не будет, ссориться с царями тоже. Пойдёт по военной

линии, получит много орденов и станет генерал-майором свиты его величества в 1880 году, незадолго до того, как его августейшего тёзку Александра II убьют бомбой на Екатерининском канале. Сам же умрёт своей смертью в преклонном возрасте — в день, когда Россия вступит в Первую мировую войну.

Пока же наиболее актуальными оказываются слова «упёк меня в камер-пажи под старость лет». 10 мая Пушкин напишет жене: «Государю неугодно было, что о своём камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностию. Но я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутом не буду и у царя небесного. Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться...»

Для Пушкина здесь важнее не политическая, а семейно-интимная сторона дела. Письмо в те времена бывало и литературным фактом, и жанром литературной критики (высказывая претензии к «Горю от ума» в письме Александру Бестужеву, Пушкин добавлял: «Покажи это Грибоедову»). Но свои письма жене он просит никому не показывать и не давать «списывать»: «Никто не должен знать, что может происходить между нами; никто не должен быть принят в нашу спальню. Без тайны нет семейственной жизни».

Это из письма от 18 мая, где Пушкин поздравляет жену с «Машиным рождением» (дочери два года), желает ей «зубков и здоровья». В этом письме примечательным образом соединяются любовь к семье и жажда свободы: «Дай бог тебя мне увидеть здоровою, детей

целых и живых! да плюнуть на Петербург, да подать в отставку, да удрать в Болдино, да жить барином! Неприятна зависимость; особенно, когда лет 20 человек был независим. Это не упрёк тебе, а ропот на самого себя. Благословляю всех вас, детушки».

Лет двадцать... То есть всю сознательную жизнь. Пушкин никого не винит. «Ропот на самого себя» — это значит, человек-мир ощущает в себе некоторый ущерб. И внутреннюю гармонию свою он защитит любой ценой.

LXVII

Пушкину 35 лет. В день своего рождения он в большой компании (Жуковский, Вяземский, Виельгорский и др.) плывёт на пароходе «Ольга» в Кронштадт. Семью князей Мещерских и Софью Карамзину провожают в Италию, куда из Кронштадта отправляется пароход «Александра» с более чем сотней пассажиров. Сам Пушкин о дальних странствиях уже не помышляет.

«Тётка» (фрейлина Загряжская) прислала имениннику корзину с дынями, земляникой и клубникой. «Боюсь поносом встретить 36-й год бурной моей жизни», — шутит он в письме жене.

А на следующий день — опять надо «представляться». Такова участь придворного. С неохотой надевает камер-юнкер свой мундир и отправляется на Каменный остров к великой княгине Елене Павловне. Та неожиданно оказывается очень мила, говорит с Пушкиным о Пугачёве. Но среди тех, кто представляется в этот день, есть один неприятный субъект — цензор Красовский, недобрым словом помянутый в пушкинских стихах. Великая княгиня из вежливости его спрашивает: «Должно быть, вам докучна обязанность читать всё, что появля-

ется». А тот в присутствии первого поэта России бестактно отвечает: «Да, современная литература (la littérature actuelle) так отвратительна, что это мученье». «Великая княгиня скорей от него отошла», — пишет Пушкин в дневнике. Сколько в России будет ещё таких функционеров, связанных с «актуальной литературой» лишь по долгу службы и ненавидящих её...

Трудное время. Даже в письмах жене невозможно отвести душу. С горьким сарказмом предупреждает Пушкин Наталью Николаевну: «Но будь осторожна... вероятно, и твои письма распечатывают: этого требует Государственная безопасность».

Никак не удаётся уладить дела с болдинским именем и поставить там дельного управляющего. Оброк приходит ничтожный, приходится закладывать кистенёвских крестьян. Родители Пушкина на грани разорения, он то и дело поддерживает их небольшими суммами.

Двадцать пятого июня Пушкин не выдерживает и пишет Бенкендорфу: «Поскольку семейные дела требуют моего присутствия то в Москве, то в провинции, я вижу себя вынужденным оставить службу и покорнейше прошу Ваше сиятельство исходатайствовать мне соответствующее разрешение.

В качестве последней милости я просил бы, чтобы дозволение посещать архивы, которое соизволил мне даровать Его Величество, не было взято обратно».

Письмо воспринимается двором как faux pas, как ложный шаг. Бенкендорф предъявляет письмо Николаю, тот велит сообщить вице-канцлеру, чтобы тот оформил отставку. В посещении архивов решительно отказано. Как

пишет Бенкендорф зарвавшемуся камер-юнкеру со слов царя: «Право сие может принадлежать единственно людям, пользующимся особенной доверенностию начальства». Доверие потеряно.

Царь жалуется на поведение Пушкина Жуковскому. Тот берётся улаживать ситуацию и в воспитательных целях пишет беспощадно-оскорбительное письмо: «А ты ведь человек глупый, теперь я в этом совершенно уверен. Не только глупый, но ещё и поведения непристойного...» И далее: «Глупость, досадная, эгоистическая, неизглаголанная глупость!» Жуковский просто приказывает другу покаяться и пойти на попятный.

Пушкин пишет Бенкендорфу два письма подряд (4 и 6 июля), формулируя в итоге «покорнейшую просьбу не давать хода прошению, поданному мной столь легкомысленно». Бенкендорф составляет записку, завершающуюся словами: «Перед нами мерило человека; лучше, чтобы он был на службе, нежели предоставлен самому себе». Высочайшая резолюция: «Я ему прощаю, но позовите его, чтобы ещё раз объяснить ему всю бессмысленность его поведения и чем всё это может кончиться; то, что может быть простительно двадцатилетнему безумцу, не может применяться к человеку тридцати пяти лет, мужу и отцу семейства».

Вскоре Пушкин пишет об этом событии жене в довольно непринужденном тоне, слегка подшучивая над собой и над ситуацией в целом: «На днях хандра меня взяла; подал я в отставку. Но получил от Жуковского такой нагоняй, а от Бенкендорфа такой сухой абшид, что я вструхнул, и Христом и Богом прошу, чтоб мне отставку не давали. А ты и рада, не так ли? Хорошо, коли проживу я лет ещё 25; а коли свернусь прежде десяти,

так не знаю, что ты будешь делать и что скажет Машка, а в особенности Сашка. Утешения мало им будет в том, что их папеньку схоронили как шута и что их маменька ужас как мила была на аничковских балах. Ну, делать нечего. Бог велик; главное то, что я не хочу, чтоб могли меня подозревать в неблагодарности. Это хуже либерализма. Будь здорова. Поцелуй детей и благослови их за меня».

«Предполагаем жить...» Остаётся гораздо меньше десяти лет: два с половиной года. Наталья Николаевна не забудет мужниных сетований и похоронит его не в камер-юнкерском мундире «как шута», а во фраке.

В дневнике 22 июля о тех же событиях сказано предельно кратко, уже без реверансов к возможным незванным читателям («...не хочу, чтоб могли меня подозревать в неблагодарности»). Тут разговор с самим собой, и вывод в конце тревожный: «Прошедший месяц был бурен. Чуть было не поссорился я со двором, — но всё перемололось. Однако это мне не пройдёт».

LXVIII

Отпуск на три месяца для поездки по домашним делам получен. 21 августа Пушкин в Полотняном Заводе. Двухэтажный дом со всеми удобствами, даже с ванными комнатами. Роскошный дедовский сад, в оранжереях лимонные и апельсиновые деревья, даже ананасы произрастают.

Пушкин с женой и свояченицами вдоволь гуляют, играют в горелки. Но и для дела поэт находит время. Как-то мальчик-слуга застаёт его лежащим на животе на бильярдном столе, что-то напевающим и пишушим. В библиотеке Гончаровых оказалось немало книг, русских,

французских и немецких, которые пригодятся для работы в Петербурге.

Двадцать шестого августа отмечают именины Натальи Николаевны и Натальи Ивановны (та в Яропольце, с Екатериной и Александриной так и не помирилась). Пушкин пишет теще: «Жена моя прелесть, и чем доле я с ней живу, тем более люблю это милое, чистое, доброе создание, которого я ничем не заслужил перед Богом». Жене поэта 27 августа исполняется всего лишь 22 года.

Пушкины и Гончаровы 6 сентября перебираются в Москву, а через неделю глава семьи уже в Болдине, где его встречают первый снег и хозяйственные хлопоты. «20 снт. 1834 10 ч-53 м» — такая дата стоит в конце рукописи «Сказки о золотом петушке». Ещё одно итоговое произведение — в сказочном цикле. Автор намечает план издания «Простонародных сказок». «Золотой петушок» — самая «взрослая» из них, философически серьёзная. Царь Дадон, конечно, не карикатура на конкретного самодержца — это образ недалёкого правителя на все времена. За расправу с мудрецом полагается неминуемый крах — аллегорический смысл прозрачен и неоспорим.

В апреле 1835 года «Сказка о золотом петушке» готова. Цензура вычеркнет стих «Царствуй лёжа на боку» и финальное двестишие:

Сказка ложь, да в ней намёк,
Добрым молодцам урок.

Именно эти две цитаты станут в русском языке крылатыми фразами.

LXIX

В Петербурге Пушкины в середине октября опять меняют адрес. Прежний домовладелец измучил постояльца тем, что велел дворнику запира́ть ворота в десять часов. Пушкину, возвращавшемуся домой поздно, приходилось с боем проникать в своё жилище. А теперь Вяземский отбыл за границу, и освободилась квартира в доме Баташева на Дворцовой набережной. Половину квартиры занимают Пушкины, вторую — Екатерина и Александра Гончаровы.

Жизнь придворная невыносима тогда, когда требует быть частицей толпы. В августе состоялось торжественное открытие Александровской колонны на Дворцовой площади. Пушкин был как раз в отъезде и избежал необходимости явиться туда в камер-юнкерском мундире. И далее он засчитывает себе в актив каждую возможность «прогулять» казённое мероприятие. «Завтра надобно будет явиться во дворец. У меня ещё нет мундира. Ни за что не поеду представляться с моими товарищами камер-юнкерами, молокососами 18-тилетними. Царь рассердится, — да что мне делать?» — записывает он в дневнике 5 декабря 1834 года. А на следующий день: «Я всё-таки не был 6-го во дворце — и рапортовался больным. За мною царь хотел прислать фельдъегеря или Арнта». Имеется в виду лейб-медик Арендт — мы ещё вспомним это имя.

А вот о бале 14 декабря в дневнике рассказывается довольно добродушно: «Третьего дня был я наконец в Аничковом. Опишу всё в подробности, в пользу будущего Вальтер Скотта. Придворный лакей поутру явился ко мне с приглашением: быть в половине девятого в Аничковом,

мне в мундирном фраке, Наталье Николаевне как обыкновенно. В 9 часов мы приехали. <...> Гостей было уже довольно; бал начался контрдансами. Государыня была вся в белом, с бирюзовым головным убором; государь в кавалергардском мундире. Государыня очень похорошела. <...> Вообще бал мне понравился. Государь очень прост в своём обращении, совершенно по-домашнему».

Выходит в свет «История Пугачёвского бунта», состоящая из двух частей: собственно истории и документальных приложений. Успеха книга не имеет. Даже печатных нападок немного, больше — кулуарных. Активизировался Уваров, успевший досадить Пушкину тем, что добивался цензурования его новых произведений «на общих основаниях». Пушкин записывает в дневнике: «В публике очень бранят моего Пугачёва, а что хуже — не покупают. Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении. Его клевет Дундуков (дурак и бардаш) преследует меня своим цензурным комитетом. Он не соглашается, чтоб я печатал свои сочинения с одного согласия государя. Царь любит, да псарь не любит. Кстати об Уварове: это большой негодяй и шарлатан. Разврат его известен...» Дневниковым излиянием эмоций Пушкин не ограничится и скоро найдёт повод нанести Уварову сатирический удар.

Пушкин думает пополнить книгу о Пугачёве новыми материалами из пугачёвского следственного дела, доступ к которому автор получил, уже когда книга была напечатана. А может быть, этот труд — лишь подспорье для начатого романа о временах пугачёвщины? В беспристрастном историческом жанре характер Пугачёва не раскрыть, а сюжетный вымысел вдруг да приблизит к истине.

Весной выходит первая часть «Поэм и повестей Александра Пушкина» (вторая часть появится в августе) — здесь все поэмы в хронологическом порядке — за исключением «Гавриилиады» и «Медного всадника». Весной же написано «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года», которое автор хочет выпустить отдельной книгой. Снова возвращается он мыслями к своему проекту трёхлетней давности: политическая и литературная газета с книжным приложением каждые три месяца. Хотя душа его к газетному делу не лежит.

Всё это, однако, никак не может решить материальных проблем. То и дело приходится влезать в новые долги, закладывать семейное серебро, жемчуг, шали. Меж тем в семействе Пушкиных прибавление: 14 мая на свет появляется сын Григорий.

Счастливого отца в этот день нет дома, он 15-го возвращается из Тригорского, куда совершенно неожиданно укатил десять дней назад, вызвав замешательство и жены, и своей матери. Одна дорога заняла три дня туда и три обратно. Тёще написал, что ездил «по своим делам». А дела состояли в том, чтобы вспомнить прошлое, взглянуть на опустевшее Михайловское, поболтать в Тригорском с Прасковьей Осиповой, а в Голубове с Евпраксией Вревской.

Рассчитывал он и на встречу с осиповской падчерицей Александрой, уже года два как замужней и носящей фамилию Беклешова. Когда-то ей было адресовано стихотворение «Признание» с легендарным финалом: «Ах, обмануть меня не трудно! / Я сам обманываться рад!» Даже в «Донжуанский список» она попала. Хотя реальные любовные отношения у Саши были не с Пушкиным, а с её родственником Алексеем Вульфом.

Простодушная Вревская потом поведает: «Поэт по приезде сюда был очень весел, хохотал и прыгал по-прежнему, но теперь, кажется, он впал опять в хандру. Он ждал Сашеньку с нетерпением, надеясь, что пылкость её чувств и отсутствие её мужа разогреет его состарившиеся физические и моральные силы». Много лет спустя другой поэт — Александр Блок найдёт для этого чувства такие слова: «...прошлое дохнуло хмелем».

Забегаю вперёд сообщим, что в сентябре Пушкин снова отправится в Михайловское, на более долгий срок. Заедет в Тригорское, снова разминётся с Беклешовой и напишет ей: «Приезжайте, ради бога; хоть к 23-му. У меня для Вас три короба признаний, объяснений и всякой всячины. Можно будет, на досуге, и влюбиться. Я пишу к Вам, а наискось от меня сидите Вы сами в образе Марии Ивановны. Вы не поверите, как она напоминает прежнее время. <...> Простите мне мою дружескую болтовню». («Мария Ивановна» — пятнадцатилетняя младшая дочь Прасковьи Осиповой.)

Опять минутное возвращение во времена молодости...

XX

Пушкин предпринимает очередную отчаянную попытку вырваться на свободу. В письме от 1 июня Пушкин через Бенкендорфа просит: «Ныне я поставлен в необходимость покончить с расходами, которые вовлекают меня в долги и готовят мне в будущем только беспокойство и хлопоты, а может быть — нищету и отчаяние. Три или четыре года уединённой жизни в деревне снова дадут мне возможность по возвращении в Петербург возобновить занятия, которыми я пока ещё обязан милостям его величества».

И опять — холодная карандашная резолюция: «Нет препятствий ему ехать куда хочет, но не знаю, как разумеет он согласить сие со службою. Спросить, хочет ли отставки, ибо иначе нет возможности его уволить на столь продолжительный срок».

Пушкин смиренно «передаёт совершенно свою судьбу в царскую волю». Признаётся Бенкендорфу, что задолжал около 60 тысяч рублей. Но от «материальной помощи» в размере десяти тысяч отказывается, предпочитая ссуду в 30 тысяч, которая будет возмещена из жалованья за полгода. С 1 августа ему дан отпуск на четыре месяца.

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоём
Предполагаем жить... И глядь — как раз — умрём.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

Самое, может быть, личное, самое автобиографичное стихотворение Пушкина. По поводу его датировки есть разные версии — либо 1834-й, либо 1835 год.

Это незавершённый текст. Рядом с ним — прозаический конспект возможного продолжения: «Юность не имеет нужды в at home. Зрелый возраст ужасается своего уединения. Блажен, кто находит подругу — тогда удались он домой. О, скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню — поля, сад, крестьяне, книги: труды поэтические — семья, любовь etc. — религия, смерть».

Точку поставит судьба. К восьми строкам стихотворения добавить нечего.

LXXI

С 7 сентября и до конца октября 1835 года Пушкин живёт в Михайловском, откуда пишет жене: «А о чём я думаю? Вот о чём: чем нам жить будет? Отец не оставит мне имущества; он его уже вполовину промотал; ваше имение на волоске от гибели. Царь не позволяет мне ни записаться в помещики, ни в журналисты. Писать книги для денег, видит бог, не могу. У нас ни гроша верного дохода, а верного расхода 30 000. <...> Что из этого будет; бог знает. Покамест грустно. Поцелуй-ка меня, авось горе пройдёт. Да лих, губки твои на 400 вёрст не оттянешь. Сиди да горюй — что прикажешь!»

Осенняя пора на этот раз оказывается отнюдь не плодоносной в творческом отношении. Одно большое стихотворение написано 26 сентября, зато из самых значимых, впоследствии оно станет легендарным:

...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провёл
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор — и много
Переменилось в жизни для меня...

Пушкин вспоминает прошлое, няню Арину Родионовну, которая умерла семь лет назад. И как-то незаметно, исподволь грусть сменяется бодрыми мыслями о будущем. Он обращается к «младой роще», к «зелёной семье» из новых деревьев с приветствием: «Здравствуй, племя / Младое, незнакомое!» Пройдёт время, и эти

слова станут крылатыми, их будут вырывать из пейзажного контекста и применять к молодым поколениям. В том числе к поэтическим. Что, впрочем, не противоречит тексту, где речь дальше идёт о внуке, который когда-нибудь «вспомынет» автора (повторение мотива, которым завершалась вторая глава «Евгения Онегина»: «И наши внуки в добрый час / Из мира вытеснят и нас»).

Любопытно, что здесь Пушкин заглядывает и в будущее русского стиха. Он отказывается от рифмы, по поводу которой недавно писал: «Думаю, что со временем мы обратимся к белому стиху. Рифм в русском языке слишком мало. Одна вызывает другую. Пламень неминуемо тащит за собою камень. Из-за чувства выглядит непременно искусство. Кому не надоели любовь и кровь, трудный и чудный, верный и лицемерный, и проч.».

«Вновь я посетил...» — наглядный пример искусного белого стиха, где отсутствие рифмы компенсировано энергичными стиховыми переносами, целой сетью звуковых повторов («Знакомым шумом шорох их вершин»). Такая ритмика отзовется потом в «Вольных мыслях» Блока. А в XXI веке задача обновления стиха станет ещё более актуальной.

Ещё в Михайловском Пушкин пишет повесть «Египетские ночи» — о поэте-импровизаторе, о человеке, способном с ходу «говорить стихами». В самом Пушкине импровизационное начало всегда присутствовало, это проявлялось в склонности к экспромтам, в интенсивности творческого труда, порой фантастической. Доводилось ему слушать импровизации Адама Мицкевича. Для Пушкина импровизация становится метафорой поэтической свободы. Недаром его персонаж-итальянец по зака-

зу дилетанта Чарского начинает с вдохновенного монолога о природной независимости вдохновения от внешних факторов (тут Пушкин использует кусок из своей неоконченной поэмы «Езерский»).

Интересный замысел так и останется неоконченным. В 1916 году Валерий Брюсов предпримет попытку «дописать» Пушкина, что вызовет весьма скептическую реакцию современников. Думается, эксперимент самого Пушкина состоял в сочетании прозы и стиха в рамках одного произведения. И продолжить Пушкина в этом смысле — значит создать собственное произведение, где в прозаический сюжет органично внедрены стихи. Два удачных решения в XX веке были предложены — это роман Владимира Набокова «Дар» и роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго».

LXXII

«...При всём добросердечии своём, он был довольно злопамятен, и не столько по врождённому свойству и увлечению, сколько по расчёту; он, так сказать, вменял себе в обязанность, поставил себе за правило помнить зло и не отпускать должникам своим. Кто был в долгу у него, или кого почитал он, что в долгу, тот, рано или поздно, расплачивайся с ним, волею или неволею. <...> Он не спешил взысканием; но отметка должен не стиралась с имени, но Дамоклесов меч не снимался с повинной головы, пока приговор его не был приведён в исполнение» — так напишет потом про своего великого друга Вяземский.

Слово «злопамятный», пожалуй, слишком резкое, но стиль полемического поведения Пушкина описан в целом точно. Самому Вяземскому досталось за придирки

к поэме «Цыганы». Ответ на них — эпиграмма «Прозаик и поэт» («О чём, прозаик, ты хлопчешь?..»). Когда Пушкин спросил Вяземского, можно ли её печатать, тот даже не понял, в чём дело. Много лет спустя Вяземский уразумеет, что именно он — прототип этого обобщённого «прозаика». Но такой эпиграмматический укол, конечно, вписывается в рамки дружеского литературного спора. Другое дело — выстрелы, как дуэльные, так и литературно-сатирические.

Осенью 1835 года созрела ситуация для того, чтобы расплатиться с Уваровым. Президент Академии наук, министр просвещения и председатель цензурного управления в одном лице — ещё и отъявленный стяжатель. Его неблизкий родственник граф Дмитрий Шереметев (Уваров женат на его двоюродной сестре) тяжело заболевает. Графу всего 32 года, он сказочно богат (ему принадлежат усадьбы Останкино и Кусково и много ещё чего), но ни жены, ни детей пока нет. Уваров (он старше родственника на 16 лет) всеми силами норовит заполучить его наследство. Однако Шереметев выздоравливает. Скандал.

И вот Пушкин публикует в «Московском наблюдателе» оду «На выздоровление Лукулла» (Лукулл — римский полководец, консул и страстный гастроном, память о нём сохраняет выражение «лукулловы пиры»), но это имя выбрано, конечно, с целью иронической маскировки. Как и подзаголовок «Подражание латинскому». Ода написана с юношеским задором. Её персонаж, «как ворон, к мертвечине падкий», препотешно мечтает о том, как сделается вельможей и разбогатеет: «...Жену обсчитывать не буду / И воровать уже забуду / Казённые дрова!» (коррупционера Уварова обвиняли в использовании дров академии для собственного жилья).

А выздоровевшему богачу автор желает пользоваться дарами жизни:

Пора! Введи в свои чертоги
Жену красавицу — и боги
Ваш брак благословят.

Пророчество поэта блистательно сбудется: Шереметев женится, причём дважды, обзаведётся законными наследниками и доживёт до 1871 года (Уваров умрёт, как и положено старшему, на 16 лет раньше). А тогда, в январе 1836 года, «весь город занят “Выздоровлением Лукулла”», как фиксирует в своём дневнике цензор Никитенко.

Высокий сановник жалуется наверх по поводу морального ущерба. От Пушкина требуют объяснений, но он отвечает, что его сатира не содержит намёков на конкретные лица. Действительно, с точки зрения эзоповской техники ода выполнена безупречно.

LXXIII

Тридцать первого декабря 1835 года Пушкин обращается к Бенкендорфу с просьбой: «Я желал бы в следующем, 1836, году издать четыре тома статей чисто литературных (как-то: повестей, стихотворений etc.), исторических, учёных, также критических разборов русской и иностранной словесности; на подобие английских трёхмесячных Reviews. Отказавшись от участия во всех наших журналах, я лишился и своих доходов. Издание таковой Reviews доставило бы мне вновь независимость, а вместе и способ продолжать труды, мною начатые. Это было бы для меня новым благодеянием государя».

Государь разрешает, правда, «через Цензуры». То есть новое издание будет контролироваться Уваровым, а новоявленному редактору предстоит вступить в контакт с председателем Цензурного комитета Дондуковым-Корсаковым. Тот в письмах Пушкину вежлив, хотя и назначает в цензоры трусливого профессора Крылова.

Издание получает название «Современник». Пушкин нацелен на тираж в 2400 экземпляров. Первый том выходит 11 апреля. Открывает его пушкинское стихотворение «Пир Петра Первого». В поэтическом разделе представлен также Жуковский.

Из своих произведений Пушкин помещает ещё трагедию «Скупой рыцарь», «Путешествие в Арзрум». Гоголь участвует здесь и как прозаик (повесть «Коляска»), и как драматург («Утро делового человека»), и как критик (статья «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году»).

Сколько ценных текстов! Но современникам Пушкина «Современник» будет не очень интересен. Не хватает информационной броскости, пестроты, развлекательного элемента. Расходится только треть тиража, который придётся, начиная с третьего номера, сократить вдвое. В итоге всё равно продаётся не более шестисот-семисот экземпляров. «...Душа в пятки уходит, как вспомню, что я журналист. <...> Чёрт догадал меня родиться в России с душою и талантом!» — напишет Пушкин жене из Москвы 18 мая.

LXXIV

Весь 1836 год проходит у Пушкина беспокойно, взвинченно. Призрак дуэли начинает преследовать его уже с января, причём, что называется, на ровном месте. Дваж-

ды его сильнейшее раздражение без всяких оснований вызывают люди молодого возраста. Сначала вспышка беспричинного гнева обрушивается на 22-летнего графа Владимира Соллогуба (впоследствии довольно известного писателя). Соллогуб с юных лет относился к Пушкину с трепетным почтением, считал за счастье случайные светские встречи с ним. И вдруг Пушкин (вероятно, из рассказов Натальи Николаевны) делает неадекватный вывод, что молодой человек на балу обращался к ней «с неприличными замечаниями». Адресует ему гневное письмо, тот, находясь в Твери, пытается оправдаться. В Пушкина стрелять он ни за что не станет, но и трусом оказаться не хочет. 5 мая Пушкин и Соллогуб встретятся у Нащокина и примирятся. А ещё через полгода мы увидим Соллогуба рядом с Пушкиным уже в совсем иной роли...

Пустяковая ссора приключается с чиновником Семёном Хлюстиным (за которого Гончаровы когда-то хотели выдать Екатерину). Этот человек имел неосторожность пересказать недоброжелательный выпад Сенковского о Пушкине да вдобавок ещё похвалить прозу Булгарина. Опять взрыв, от которого недалеко до дуэли.

И примерно в то же время Пушкин начинает письменно выяснять отношения с князем Николаем Репниным. Они даже не знакомы лично, но до Пушкина дошёл слух, что Репнин дурно отзывался об авторе «Выздоровления Лукулла». К счастью, князь проявляет такт и самообладание: он отвечает Пушкину так миролюбиво, что инцидент оказывается исчерпанным.

И это не просто нелепости или недоразумения. Как раз в это время предметом светских разговоров стано-

вится повышенное внимание к Наталье Николаевне поручика Кавалергардского полка Жоржа Карла Дантеса. Он пользуется покровительством нидерландского посланника при русском дворе Луи Борхарда Геккерна. Дантесу — 25 лет, Геккерну — 45. Их связывают отношения более чем дружеские. Младший пылко исповедуется старшему в письме от 20 января 1836 года: «...Я безумно влюблён! Да, безумно, так как я не знаю, как быть; я тебе её не назову, потому что письмо может затеряться, но вспомни самое прелестное создание в Петербурге, и ты будешь знать её имя. Но всего ужаснее в моём положении то, что она тоже любит меня и мы не можем видеться до сих пор, так как муж бешено ревнив; поверяю тебе это, дорогой мой, как лучшему другу...»

«Она тоже любит меня» — это утверждение едва ли имеет под собой реальную почву, но напор Дантеса велик. Цель поставлена, и в её осуществлении он рассчитывает на поддержку сердечного друга: «До свиданья, дорогой мой, будь снисходителен к моей новой страсти, потому что тебя я также люблю от всего сердца».

Два закоренелых развратника затевают охоту на юную, 23-летнюю женщину, совершенно не искушённую в сердечных делах. Она в этой ситуации по сути обречена — как жертва, намеченная хладнокровным маньяком. Дантес виртуозно владеет техникой обольщения и притом ничем не рискует. Его сердце не может оказаться разбитым в ходе любовной игры: для него красивая женщина — лишь предмет забавы.

Происходит объяснение. В какие бы слова ни облакалось признание Дантеса, о чём, собственно, он просит Наталью Николаевну? Он предлагает замужней женщине, матери троих детей, находящейся на шестом месяце

новой беременности, изменить мужу, завязав легкомысленную интрижку с неотразимым красавцем. Положительный ответ с её стороны заведомо невозможен — ни по моральным, ни по физическим причинам.

Однако признание в роковой страсти не может не тронуть женщину, в её сердце возникает ответная симпатия, и свой отказ она облекает в предельно лестные для собеседника формулировки. Дантес передает их в письме Геккерну от 14 февраля следующим образом: «Если бы ты знал, как она меня утешала, потому что она видела, что я задыхаюсь и что моё положение ужасно; а когда она сказала мне: я люблю вас, как никогда не любила, но не просите большего, чем моё сердце, ибо всё остальное мне не принадлежит, а я могу быть счастлива, только исполняя свои обязательства, пощадите же меня и любите всегда так, как теперь, моя любовь будет Вам наградой...»

Слова «любовь» и «любить» очень многозначны. Разный смысл они имеют в мужской и в женской речи, варьируется их значение от одной исторической эпохи к другой. Когда Татьяна в восьмой главе романа в стихах говорит Онегину: «Я вас люблю (к чему лукавить?), / Но я другому отдана; / Я буду век ему верна», — это едва ли означает, что героиня не прочь вступить с героем в сексуальный контакт и только моральные условности мешают ей это сделать.

Так и здесь. Даже если Дантес не выдумал сам слова: «Я люблю вас, как никогда не любила», — они вполне могут означать симпатию платоническую, а мольба «не просите большего, чем моё сердце» — может быть истолкована как простое согласие на дружбу, на взаимоприятный светский флирт.

Пушкину, однако, об этом неизвестно. А контакты Натальи Николаевны с Дантесом вскоре прервутся по причине её беременности. 23 мая в семье Пушкиных появится на свет четвёртый ребёнок. Что касается Геккерна и Дантеса, то они в мае 1836 года тоже создадут своеобразную семью, узаконят свои отношения. Жорж станет приёмным сыном барона и будет именоваться Жорж Шарль де Геккерт Дантес.

LXXV

В ночь на 29 марта в возрасте шестидесяти лет умирает Надежда Осиповна Пушкина. Старший сын один сопровождает её тело в Псковскую губернию, хоронит мать 13 апреля в Святогорском монастыре.

В начале мая Пушкин приезжает в Москву, живёт он у Нащокина в Воротниковском переулке. Встречается с друзьями: Баратынским, Михаилом Орловым, Чаадаевым, Шевырёвым. Знакомится с прославленным художником Карлом Брюлловым (кстати, его брат Александр четыре года назад запечатлел Наталью Николаевну на акварельном портрете).

Знаменитого актёра Михаила Щепкина Пушкин подбивает к мемуарной работе, дарит ему тетрадь, в которую собственноручно вписывает: «Записки актёра Щепкина» и первые строки: «Я родился в Курской губернии Обоянского уезда в селе Красном, что на речке Пенке». После того как Пушкин в «Евгении Онегине» разработал перспективную модель русского романа, он исподволь творит ещё один проект — невыдуманной прозы, того, что через полтора столетия станут называть «нон-фикшн». Может быть, подумывает о том, что и сам когда-нибудь

возьмётся за автобиографическое повествование, а пока энергично подвигает к этому других.

Год назад объявился старый знакомый Василий Дуров — тот самый, что изобретал различные фантастические способы добыть 100 тысяч рублей и выиграл у Пушкина вполне реальные пять тысяч. У его сестры, знаменитой «кавалерист-девицы» Надежды Дуровой имеются записки. Пушкин тут же уцепился за возможность стать их издателем. Скоро он встретится с легендарной женщиной и поместит отрывки из её рукописи в «Современнике», поменяв предложенное ею название «Своеручные записки русской амазонки, известной под именем Александрова» на простое «Записки Н. А. Дуровой».

Всех друзей и приятелей Пушкин зазывает писать для «Современника», хлопочет насчёт распространения журнала в Москве.

Домой он возвращается вечером 23 мая. В этот день Наталья Николаевна родила дочь, родители назовут её Натальей.

LXXVI

«Моё семейство умножается, растёт, шумит около меня», — незадолго до того писал Пушкин Нащокину. Детский шум для него сродни шуму деревьев, семья подобна природе. Прибавить к этому книги — и ничего больше не надо.

Летом 1836 года Пушкины снимают дачу на Каменном острове. Глава семейства много работает. «Капитанская дочка» закончена вчерне 23 июля. Подправлен «Медный всадник» — автору всё-таки хочется «пробить» его в печать.

А Пушкин-лирик подводит итоги — поэтические и философские. У него намечается цикл стихотворений (во второй половине XX века пушкинисты станут говорить о «каменноостровском цикле»). Сюда входят «Отцы пустынноики и жёны непорочны...» — переложение молитвы Ефрема Сирина, «Подражание италиянскому» — стихотворение об Иуде, «Мирская власть» — саркастическая реплика, вызванная тем, что в Казанском соборе в Страстную пятницу у плащаницы были поставлены солдаты-часовые. А в конце цикла по авторскому плану должно было стоять стихотворение «Из Пиндемонти», ставшее, пожалуй, наиболее известным из всех названных.

Имя итальянского поэта Пиндемонте понадобилось для прикрытия (Пушкин надеется опубликовать стихи в «Современнике»). Перед нами не перевод, а абсолютно оригинальное произведение, предельно искренняя исповедь автора. Итог многолетних пушкинских раздумий о личности и обществе, личности и власти, о свободе истинной и мнимой. Мысль автора остра и категорична, слова чеканны и тверды:

Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не всё ли нам равно? Бог с ними.

Никому

Отчёта не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи...

Эти стихи не просто написаны, они прожиты автором, отстаившим свободу собственной личности вопреки неблагоприятным житейским обстоятельствам.

Человек-мир открыт любым идеям и идеалам, но опорная, базовая его ценность — собственная индивидуальность. «Себе лишь самому служить» — это не эгоизм, не самовлюблённость, это постоянная готовность к развитию.

Круг жизни пройден. Пушкин-художник исполнил своё предназначение.

Двадцать первого августа он пишет стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». Традиция такого стихотворения-памятника древняя, идёт ещё от римского поэта Горация с его «Ehægi monumentum» — эти два слова вынесены Пушкиным в эпиграф. Горация на русский манер перекладывали Ломоносов и Державин. У Пушкина есть некоторые словесные переключки с Державиным, но одическую условность он полностью преодолевает. С потомками он разговаривает без позы, не взирая на них с высоты пьедестала.

Залог своего бессмертия он связывает с дальнейшим развитием русской поэзии: «...славен буду я, доколь в подлунном мире / Жив будет хоть один пиит». И завершается поэтическое завещание Пушкина не мотивом «увенчания» (как у Горация, а вслед за ним и у Державина с Ломоносовым), а обращением к поэзии как таковой, к Музе, которая будет вдохновлять и творческих наследников Пушкина:

Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

Итоговое стихотворение завершается на полемической ноте. И спор с судьбой тоже будет продолжен.

LXXVII

В начале сентября Пушкины переезжают в новую квартиру на набережной Мойки. Подписан контракт, в котором значится: «Нанял я, Пушкин, в собственном её светлости княгини Софьи Григорьевны Волконской доме, состоящем 2-й Адмиралтейской части первого квартала по № 7-м, весь, от одних ворот до других, нижний этаж из одиннадцати комнат состоящий, со службами, как-то: кухню и при ней комнату в подвальном этаже, взойдя во двор направо; конюшнею на шесть стойлов, сараем, сеновалом, местом в леднике и на чердаке, и сухим для вин погребом, сверх того две комнаты и прачешную, взойдя на двор налево, в подвальном этаже, во 2-м проходе; сроком вперёд на два года, то есть по первое сентября, будущего тысяча восемьсот тридцать восьмого года».

Стоимость аренды — 4300 рублей в год. Арендатор обязывается не ломать капитальных стен с целью «неподвижного украшения», не рубить и не колоть в кухне дров, на лестницах «не держать нечистоты», от огня иметь «крайнюю осторожность», сообщать управляющему о всех приезжающих и выезжающих, не держать в доме лиц, не прописанных в квартале.

Снова — денежные хлопоты, поиски новых займов.

Девятнадцатое октября 1836 года — день трижды знаменательный.

Завершается работа над «Капитанской дочкой». В бумагах Пушкина останется «Пропущенная глава», описывающая бунт в деревне главного героя и его родителей. Она увидит свет в 1880 году. Многим читателям

запомнится такое авторское размышление: «Не приведи бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка».

Вскоре «Капитанская дочка» будет прочитана Пушкиным в доме Вяземского. Печатается она в четвёртом номере «Современника» — без имени автора (может быть, для того, чтобы идеализированный образ Екатерины II не вызвал цензурных придирок со стороны императора, не любившего свою бабушку).

Кроме того, в этот день написано письмо Чаадаеву — ответ на его «Философическое письмо», опубликованное в журнале «Телескоп». Чаадаев говорит о фатальной оторванности России от европейской цивилизации, крайне скептически оценивает и прошлое нашего отечества, и его перспективы на будущее. Пушкин, вступая с другом в диалог, не оспаривает критический пафос Чаадаева, но при этом всё-таки стремится найти точку опоры в российском прошлом: «А Пётр Великий, который один есть целая история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привёл вас в Париж?» (оригинал по-французски).

Пушкин это письмо не отправит. Причиной тому — правительственные гонения, которые вызовет чаадаевское сочинение. Журнал «Телескоп» будет закрыт, редактора его Николая Надеждина сошлют, а самого Чаадаева объявят сумасшедшим. Пушкин решит, что его письмо может повредить адресату. Он знакомит с ним своих друзей, а главное — пушкинский ответ Чаадаеву сохранит значимость как послание потомкам.

«...Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человека с предрассудками — я оскорблён, — но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал».

Эти слова будут цитироваться многими мыслящими людьми, а в фильме Андрея Тарковского «Зеркало» идейной кульминацией станет мистический эпизод, когда в доме появляется незнакомая женщина, вручает юному персонажу книгу и он сбивчивым детским голосом читает заветные пушкинские слова. Они и в XXI веке остаются духовным ориентиром нашей интеллигенции.

А ещё 19 октября — лицейская годовщина, двадцать пятая. Устройством празднования занимается Михаил Яковлев, «староста лицейский», «Паяс», музыкант, сочинивший мелодии к пушкинским стихам (в частности, к «Зимнему вечеру»: «Буря мглою небо кроет...»), директор Императорской типографии, где печаталась «История Пугачёвского бунта». Он обменивается с Пушкиным письмами по этому поводу. Оба за то, чтобы собрались только «свои», лицеисты первого набора и выпуска. Последующие поколения — уже не то.

Первый раз Пушкин откликнулся на дату в 1825 году, находясь в Михайловском, большим стихотворением «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...»). Там сформулированы идеалы лицейского братства, переданы персональные приветы Пущину, Горчакову, Дельвигу и Кюхельбекеру, задан вопрос, обращённый в будущее: «Кому ж из нас под старость день лицея / Торжествовать придётся одному?» (это будет Горчаков, который доживёт до 1883 года, а 19 октября 1882 года встретит в одиночестве).

В 1827 году Пушкин сочинил афористичное восьми-стишие «Бог помочь вам, друзья мои...», где последняя строка («И в мрачных пропастях земли!») — то ли дань памяти ушедшим, то ли привет ссыльным декабристам.

В 1828 году дело ограничивается шутливым экспромтом, поскольку автор собирается в гости к Осиповой в Малинники и покидает пирушку:

Усердно помолившись богу,
Лицею прокричав ура,
Прощайте, братцы: мне в дорогу,
А вам в постель уже пора.

На этот же раз Пушкин пишет обширный текст с историческим сюжетом. Это перекличка и со стихами 1825 года, и в какой-то мере с юношеским «Воспоминанием в Царском Селе»:

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался...

Дописать не успевает: шестьдесят четвертый стих только начат:

И новый царь, суровый и могучий,
На рубеже Европы бодро стал,
И над землёй сошлись новы тучи,
И ураган их...

С неоконченным текстом отправляется Пушкин около четырёх часов дня в дом Яковлева. Это близко, на Екатерининском канале.

Собираются Гревениц, Данзас, Илличевский, Комовский, Мартынов, Мясоедов, Корф, Стевен, Юдин. Обедают «вкусно и шумно», согласно протоколу. Читают бумаги из лицейского архива, поют «национальные песни».

Пушкин начинает читать своё обращение к друзьям, но сразу же сбивается, умолкает...

Слёзы душат. Предчувствие?.. Он обещает дописать стихотворение и приобщить потом к протоколу.

LXXVIII

Четвёртого ноября, утром, Пушкин получает по городской почте издевательский «диплом», написанный по-французски — о том, что господин Пушкин принят в «орден рогоносцев». Председателем ордена назван Нарышкин, муж фаворитки Александра I. Намёк на то, что Пушкин при дворе занимает теперь такое же положение. «Рогоносец» для Пушкина — самое обидное из всех оскорблений. Сколько раз он сам издевательски проходил в стихах по «мужьям рогатым», в том числе и тем, чьи жёны были его любовницами...

В разговоре с женой Пушкин узнаёт, что совсем недавно Наталья Николаевна угодила в ловушку. Интригу затеяла её подруга Идалия Полетика (жена полковника Кавалергардского полка, незаконная дочь графа Григория Строганова — двоюродного дяди Натальи Николаевны). Прежде у Полетики с Пушкиным были мирные отношения, но потом она за что-то затаила на него злобу. Полетика заманила Наталью Николаевну в свой дом, а там вероломно оставила наедине с Дантесом, заранее этого дожидавшимся. Домогательства Дантеса Наталья Николаевна решительно отвергла, злополучный тет-а-тет был прерван внезапным появлением дочери Поле-

тики, но сам факт такого свидания мог бросить тень на репутацию жены Пушкина.

А если учесть, что незадолго до того Геккерн-старший вёл с Натальей Николаевной рискованные разговоры, прося её проявить великодушие к его приёмному сыну... В общем, анонимный пасквиль может быть мстостью Пушкиным.

Надо отвечать немедленно. Пушкин не сомневается, что этот удар нанесён Геккернами. Вечером он отправляет младшему из них вызов на дуэль без объяснения причин. Наутро письмо доставлено. Его вскрывает Геккерн-старший, поскольку приёмный сын находится на дежурстве в полку. Дипломат немедленно отправляется на Мойку и просит у Пушкина отсрочки дуэли на 24 часа. Приходит и на следующий день, выпрашивает отсрочку ещё на две недели.

(Кто на самом деле изготовил пасквиль? Кто отправил несколько его копий близким знакомым Пушкина? Будут называть имена князя Ивана Гагарина, князя Петра Долгорукова, потом под подозрение у пушкинистов попадёт Идалия Полетика. Доподлинно же это останется неизвестным.)

Встревоженная Наталья Николаевна решает обратиться за помощью к Жуковскому. Для этого посылает своего брата в Царское Село. Жуковский приезжает, говорит с Пушкиным, а на следующий день отправляется в нидерландское посольство, чтобы как-то погасить пожар.

Геккерн встречает его любезно и огорошивает неожиданным сообщением: оказывается, приёмный сын влюблён в сестру Натальи Николаевны. Жуковскому на минуту кажется, что речь об Александре, но нет — о Екатерине. И Геккерн даёт согласие на этот брак.

Пушкин, услышав эту весть от Жуковского, взбешён. Конечно, он не верит в любовь Дантеса к Екатерине. Не сомневается, что эта затея предпринята Геккернами уже после получения вызова на дуэль.

Жуковский продолжает нелёгкую миротворческую миссию. Подключает к делу фрейлину Екатерину Ивановну Загряжскую, давнюю знакомую семьи Гончаровых. У неё на квартире 14 ноября происходит встреча Геккерна и Пушкина, в результате которой дуэль отменена. Пушкин сдержан и молчалив.

Своим чувствам он даёт волю, зайдя после этого к Екатерине Андреевне и Софье Николаевне Карамзиным, а на следующий день — к Вере Фёдоровне Вяземской. Он по-прежнему жаждет мщения.

Письменный отказ от вызова на дуэль он составляет в преднамеренно небрежной манере. Дантес через своего секунданта барона д'Аршиака отвечает заносчивым письмом. Пушкин поручает Владимиру Соллогубу в качестве секунданта вновь провести переговоры о дуэли. На рауте в австрийском посольстве говорит Дантесу грубые слова. Идёт к Клементию Россету и приглашает его в качестве «запасного» секунданта вместо Соллогуба.

Уже намечена новая дата дуэли — 21 ноября. И тут Соллогубу удаётся найти примиряющее решение. И Дантес отказывается от своих амбиций, и Пушкин по поводу сватовства Дантеса к Екатерине письменно заверяет: «Нет никаких оснований приписывать его решение соображениям, недостойным благородного человека». Барон Геккерн от имени своего приёмного сына делает формальное предложение Екатерине Гончаровой.

LXXIX

Но перемирие оборачивается для Пушкина моральным проигрышем. В свете начинают толковать: мол, женитьба Дантеса — жертва с его стороны. Благородный поступок. Спас честь любимой женщины, защитил её от клеветы, от ревнивца-мужа. «Бедный Дантес!» — восклицает Софья Карамзина (фрейлина, дочь Н. М. Карамзина от первого брака).

Эту версию активно транслируют оба Геккерна. А старший из них наведывается с визитом в дом Пушкиных и передаёт Наталье Николаевне письмо от приёмного сына — о том, что тот отказывается от каких бы то ни было видов на неё. Свою миссию он сопровождает весьма обидными устными комментариями. Это унижение. Для обоих супругов Пушкиных.

Двадцать первого ноября 1836 года Пушкин пишет два письма, которые не будут отправлены адресатам, но бесповоротно обозначат неизбежность того, что произойдёт через два месяца.

Первое адресовано барону Геккерну, которого Пушкин недвусмысленно обвиняет в безнравственности: «Вы, представитель коронованной особы, Вы отечески сводничали Вашему незаконнорождённому или так называемому сыну; всем поведением этого юнца руководили Вы».

Пушкин категорически обвиняет Геккерна и Дантеса в изготовлении анонимного письма. Заканчивает он беспощадными словами: «Дуэли мне уже недостаточно, и каков бы ни был её исход, я не сочту себя достаточно отомщённым ни смертью Вашего сына, ни его женитьбой, которая совсем походила бы на весёлый фарс (что, впрочем, меня весьма мало смущает), ни, наконец, пись-

мом, которое я имею честь писать Вам и которого копию сохраняю для личного употребления. Я хочу, чтобы Вы дали себе труд и сами нашли основания, которые были бы достаточны для того, чтобы побудить меня не плюнуть Вам в лицо...»

Вечером Пушкин знакомит с этим письмом Владимира Соллогуба — как секунданта, ввиду неизбежной дуэли. Он читает ему текст послания с такой страстью, что собеседник не смеет и рта открыть. Соллогуб спешит в дом Владимира Одоевского в Мошковом переулке, где по случаю приёмного дня может находиться Жуковский. Всё ему рассказывает, и Жуковский немедленно отправляется на Мойку. Каким-то образом он уговаривает Пушкина не отсылать роковое послание.

Второе письмо адресовано Бенкендорфу. О пасквиле и несостоявшейся дуэли. Вновь Пушкин отстаивает свою версию: «...Я убедился, что анонимное письмо исходило от г-на Геккерна, о чём считаю своим долгом довести до сведения правительства и общества».

Письмо не будет отправлено, его потом найдут в бумагах Пушкина. А сам он будет 23 ноября принят Николаем I и пообещает ему больше не драться ни под каким предлогом.

Но для Пушкина это только отсрочка. Ненадолго. Не с Геккернами ему предстоит окончательно выяснить отношения, а с самим собой. Неотмщённая обида разлагает личность, как скажет потом один писатель. Убить в себе личность Пушкин не позволит.

LXXX

Отвлечься помогает работа, её предостаточно. «Я очень занят. Мой журнал и мой Пётр Великий отнимают

у меня много времени: в этом году я довольно плохо устроил свои дела, следующий год будет лучше, надеюсь», — пишет Пушкин отцу в конце декабря. А перед тем с глубоко затаённым сарказмом сообщает семейные новости: «У нас свадьба. Моя свояченица Екатерина выходит замуж за барона Геккерена, племянника и приёмного сына посланника короля голландского. Это очень красивый и добрый малый, он в большой моде и 4 годами моложе своей наречённой. Шитьё приданого сильно занимает и забавляет мою жену и её сестру, но приводит меня в бешенство. Ибо дом мой имеет вид модной и бельевой мастерской».

Десятого января 1837 года Дантес и Екатерина Гончарова венчаются. Как фрейлина двора невеста получает подарок от государя. Это денежная сумма, переданная через Наталью Николаевну. Дантесу разрешено не принимать российское гражданство, а будущих детей крестить не в православную, а в католическую веру.

Пушкин не в состоянии избежать встреч с Дантесом, не может он оградить от него и Наталью Николаевну. Та порой наивно ревнует Дантеса к сестре, не умея этого скрыть. Для Пушкина — мука непереносимая. Дантесу в этой ситуации вольготно, он безнаказанно ухаживает за свояченицей. 23 января на балу у Воронцовых он отпускает во всеуслышание рискованную шутку. Вот какую. У сестёр общий педикюрщик, и как бы с его слов Дантес говорит Наталье Николаевне: «Ваша мозоль красивее, чем мозоль моей жены». Это игра слов: имеется в виду не «мозоль» (cor), а «тело» (corps). Два французских слова произносятся одинаково — «кор». Сам Пушкин этого не слышит, но молва, конечно, всё до него доносит.

Его бесит казарменный каламбур, но что поделаешь: два молодых красивых тела тянутся друг к другу. Флирт не есть супружеская измена, но...

В кругу, где вращаются Пушкины, многие на стороне «бедного Жоржа», его брак воспринимают как жертву и его рыцарское увлечение Натальей Николаевной одобряют. Пушкина, этого «тигра», «грубияна» (а то и «уро-да»), не любят.

К ситуации подключается государь, советующий Наталье Николаевне быть осторожнее и дорожить своей репутацией. Согласно рассказу Николая I, записанному бароном М. Корфом, в двадцатых числах января Пушкин благодарил царя за заботу и признался: «Я и Вас самих подозревал в ухаживаниях за моею женой».

Он знает, что нового поединка не миновать. Выбора нет. Человек-мир выше выбора.

Решение созрело, и это даёт Пушкину ощущение свободы и внешнее спокойствие. «Я только что перебесился, я буду ещё много работать», — говорит он Владимиру Далю. Со многими встречается по литературным делам. Собиратель народных сказаний Иван Сахаров приходит на Мойку и на минуту застаёт в пушкинском кабинете Наталью Николаевну. Она сидит на полу, усталанном медвежьей шкурой. Положила голову на колени мужу, сидящему в кресле. Возможна ещё гармония, если жизнь продлится.

LXXXI

А на следующий день, 25 января, Пушкин пишет резкое письмо барону Геккерну, повторяя примерно то же, что содержалось в неотправленном письме двухмесяч-

ной давности. Вспоминая эпизод с анонимным письмом, Пушкин считает себя победителем. По его словам, он тогда заставил Дантеса играть «жалкую роль», а если у жены поэта и было какое-то чувство к «так называемому сыну» Геккерна, то оно «угасло в презрении самом спокойном и отвращении вполне заслуженном».

Увы, это не совсем так, но Пушкину важно защитить честь жены и не оставить никаких оснований для криво-толков. Письмо адресовано свету.

Точка поставлена.

Вечером Пушкин и Дантес с жёнами встречаются у Вяземских. Обе сестры спокойны и веселы. Глядя на самодовольного Дантеса, Пушкин не удерживается и проговаривается Вере Фёдоровне Вяземской: этот господин не знает, что его ждёт. И ещё одному человеку он доверится — свояченице Александре, по-настоящему ему преданной.

Наутро он посещает Александра Тургенева, остановившегося неподалёку на Мойке, в Демутовом трактире. Они рассматривают вместе исторические документы, привезённые из Парижа.

Пушкин возвращается домой. Является секундант Дантеса виконт д'Аршиак с письменным вызовом на дуэль. Пушкин принимает вызов не читая. Выходит из дому, встречается, как и днём ранее, с Евпраксией Вревской. Сообщает ей о том, что будет завтра. Вечером, на балу у графини Разумовской, зовёт в секунданты молодого дипломата Меджениса — секретаря английского посольства. Вскоре, в половине второго ночи, получает от него письмо с вежливым отказом.

Наступает 27 января, среда. В девять утра д'Аршиак письменно торопит с выбором секунданта. Пушкин пись-

менно же отвечает, что привезёт такого прямо на место встречи. Да пусть хоть сам Дантес найдёт секунданта для Пушкина: «...я заранее его принимаю, будь то его ливрейный лакей». Это, конечно, издёвка. Близко к тексту «Евгения Онегина», где главный герой привозит на дуэль с Ленским в качестве секунданта своего камерди-нера месье Гильо.

Д'Аршиак настаивает на соблюдении правил: секунданты должны предварительно встретиться. Делать нечего, в 11 часов Пушкин отправляется к лицейскому товарищу Константину Данзасу. Тот не может отказать, и предотвратить поединок не в его силах.

Секунданты обсуждают условия в здании французского посольства на Мильонной. Пушкин возвращается домой. Ходит по комнате, напевая. Видит в окно Данзаса. Тот входит, держа в руках бумагу — «Условия дуэли между господином бароном Жоржем Геккерном и господином Пушкиным», всего шесть пунктов. Пушкин туда не заглядывает. Данзас отправляется за пистолетами.

Пушкин завершился.

Человек-мир прошёл полный круг своей орбиты.

Он на равных с жизнью и со смертью, которые сейчас выясняют отношения между собой.

На стороне жизни:

сознание свершённого подвига;

новые идеи и проекты;

молодая, красивая, пусть пока и неразумная жена;

четверо детей.

На стороне смерти:

невыносимое общество;

непонимание читателей и критики, неуспех «Современника»;

долги общей суммой в 140 тысяч рублей;
наконец, человек с белой головой, с которым через
три часа предстоит стреляться. Человек-смерть.
Возможна ещё одна жизнь. Выход на новый круг.
Пора!

LXXXII

Кондитерская Вольфа на углу Мойки и Невского проспекта. Пушкин в ожидании секунданта пьёт не то лимонад, не то просто воду. Около четырёх часов появляется Данзас.

С Невского они сворачивают на Дворцовую набережную. Там оживлённо, многие возвращаются после катания с гор. Среди них и Наталья Николаевна, она не замечает, как проносятся сначала сани с Пушкиным и Данзасом, потом сани с Дантесом и д'Аршиаком. Троицкий мост. Петроградская сторона. Каменный остров — там, вдали, прошлогодняя дача Пушкиных. Набережная Чёрной речки, где тоже доводилось им дачу нанимать.

Кони разыгрались... А чьи то кони, чьи то кони?
Кони Александра Сергеевича...

Половина пятого. Всё произойдёт очень быстро.
Двадцать шагов между противниками. У каждого —
пять шагов до барьера.

Секунданты заряжают пистолеты.

Пушкин первым подходит к своей границе между жизнью и смертью.

Дантес стреляет ещё по пути к барьеру.

Пушкин падает. Роняет пистолет. Пуля в животе. Льётся кровь. Но нет, он не сдаётся:

— Attendez-moi! Je me sens assez de force pour tirer mon coup! «Подождите! Чувствую достаточно сил, чтобы сделать мой выстрел!»)

Ему подают запасной пистолет, и, приподнявшись, собрав последние силы, он нажимает на курок.

Есть! Дантес валится на землю! Bravo!

Но нет, человек-смерть не убит. Умело заслонился рукой. Пуля отскакивает от медной пуговицы мундира, слегка ранив хладнокровного стрелка.

Пушкин один и говорит уже сам с собою:

— Странно, я думал, что мне доставит удовольствие его убить, но чувствую теперь, что нет.

Человек-мир обретает последнюю гармонию.

В страшную минуту он оказался среди чужих людей. И везут его в чужой карете, присланной старшим Геккерном. Не к доктору — домой. Рана не перевязана. Почему секунданты не озаботились заранее насчёт медика?

— Боюсь, не ранен ли я так, как Щербачёв, — говорит Пушкин Данзасу.

Осенью 1819 года поручик Щербачёв получил смертельное ранение в живот во время дуэли с известным бретёром Руфином Дороховым, с которым поссорился в театре.

Пушкину больно. По пути приходится несколько раз останавливаться. Около шести часов вечера карета, миновав широкий Певческий мост, подъезжает к дому на Мойке.

Надо вперёд послать Данзаса, чтобы он успокоил Наталью Николаевну.

Выходит Никита, берёт на руки барина. Тот ему:

— Что, брат, грустно тебе нести меня?

Жена в передней — сразу в обморок. Пушкин, когда его вносят в кабинет, кричит ей: «N'entrez pas!» («Не входи!»). Не надо, чтобы она видела его окровавленным. А когда он уже уложен на диван, велит её впустить. Сразу говорит ей главные слова:

— Будь спокойна, ты ни в чём не виновата.

Докторов Данзас находит случайных: Шольца (который вообще-то акушер) и Задлера. Рана смертельная — это ясно. Позже являются Спасский — домашний доктор Пушкиных, и Арендт, лейб-медик. Они не пытаются утешить обречённого пациента. Спасский напоминает ему о христианском долге. Пушкин соглашается: возьмите первого ближайшего священника.

Приводят отца Петра, что служит на Конюшенной площади. Пушкин исповедуется, причащается.

Арендту пора уходить. Пушкин через него просит прощения за Данзаса. Ждёт царского ответа.

Арендт не застаёт царя во дворце: тот в театре. Около полуночи к доктору приезжает фельдъегерь с поручением доставить Пушкину записку, в которой карандашом начертано: «Если Бог не велит уже нам увидеться на этом свете, то прими моё прощение и совет умереть по христиански и причаститься, а о жене и детях не беспокойся. Они будут моими детьми, и я беру их на своё попечение».

(Обещание монарх сдержит. Скостит 40 тысяч пушкинского долга двору, остальные 100 тысяч частных долгов возьмёт на себя опека. Вдове будет назначена пенсия.)

Страшные боли начинаются в четвертом часу утра. Зачем эти мучения? Лучше бы умереть спокойно. Пора. Жену просите, жену.

Она рыдает, её уводят. Теперь время друзей. Жуковский, Виельгорский, Вяземский, Александр Тургенев, Данзас один за другим приходят проститься. Здесь ли Плетнёв, Карамзины?

Детей зовите! Он благословляет каждого.

Смерть идёт.

Владимир Даль, сменяя Спасского, остаётся с Пушкиным ночью.

Утром Пушкину беспрестанно подают холодную воду. Он трёт себе виски и лоб льдом, держит кусочки льда во рту. Внезапно наступает облегчение.

Умиравший просит морошки, зовёт жену, чтобы она его покормила. Съедает две-три ягоды. Довольно.

Наталья Николаевна, выйдя от мужа, говорит:

— Он будет жив, он не умрёт.

Пушкин просит Спасского, Даля и Данзаса повернуть его на правый бок. Они слышат его слова:

— Жизнь кончена.

И потом — последнее:

— Тяжело дышать. Давит.

ЭПИЛОГ

И тут же начинается жизнь вечная.

Примерно через 100 лет Михаил Булгаков в романе «Мастер и Маргарита» опишет памятник Пушкину на Тверском бульваре в Москве. Выбрав для этого неожиданный трагикомический ракурс.

Второстепенный персонаж романа, бездарный поэт Рюхин, только что спровадивший своего коллегу в психиатрическую больницу, на обратном пути видит из кузова грузовика, «что близёхонько от него стоит на постаменте металлический человек, чуть наклонив голову, и безразлично смотрит на бульвар».

Далее следует внутренний монолог антипатичного персонажа. При всей абсурдности в этой речи содержится значительная доля истины: «Вот пример настоящей удачливости... — тут Рюхин встал во весь рост на платформе грузовика и руку поднял, нападая зачем-то на никого не трогающего чугунного человека, — какой бы шаг он ни сделал в жизни, что бы ни случилось с ним, всё шло ему на пользу, всё обращалось к его славе! Но что он сделал? Я не постигаю... Что-нибудь особенное есть в этих словах: “Буря мглою...”? Не понимаю!.. Повезло, повезло! — вдруг ядовито заключил Рюхин и почувствовал, что грузовик под ним шевельнулся, — стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие...»

Правда в том, что бессмертие Пушкина обеспечено и его произведениями, и его судьбой. Пушкин будет нужен потомкам и как художник, и как человек. Русский читатель соединит в своём сознании ритм пушкинских стихов и прозы со стремительным ритмом его биографии. С Пушкиным как с человеком-миром можно будет обсудить любой вопрос.

Пушкин — будет.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

А.С. ПУШКИНА

1799, 26 мая (6 июня по новому стилю) — родился в Москве, в доме Скворцова (несохранившееся здание на углу современных Малой Почтовой улицы и Госпитального переулка). Отец — Сергей Львович Пушкин (1771—1848), чиновник Московского комиссариата. Мать — Надежда Осиповна Пушкина, урождённая Ганнибал (1775—1836).

1806—1811 — гостит в летнее время в селе Захарове (Московской губернии Звенигородского уезда) — имении бабушки, Марии Алексеевны Ганнибал.

1809—1811 — написаны на французском языке пьеса «L'Esca-moteur» («Похититель») и поэма «La Tolyade» («Толиада»).

1811, июнь — приезд с дядей Василием Львовичем Пушкиным в Петербург.

12 августа — Пушкин сдаёт вступительный экзамен в Лицей.

Октябрь — переезд на жительство в Царскосельский лицей (комната № 14).

19 октября — торжественное открытие Царскосельского лицея в присутствии Александра I.

1813, конец года — написана первая дошедшая до нас поэма — «Монах».

1814, 4 июля — выход в свет стихотворения «К другу стихотворцу» в № 13 журнала «Вестник Европы». Дебют Пушкина в печати.

1815, 8 января — чтение Пушкиным стихотворения «Воспоминания в Царском Селе» на публичном экзамене в присутствии Г.Р. Державина.

1816, 23 марта — посещение Пушкина в Лицее В.Л. Пушкиным, Н.М. Карамзиным и П.А. Вяземским.

Июнь—июль — Пушкин часто бывает у Карамзиных, живущих в Царском Селе.

Лето — знакомство с П.Я. Чаадаевым.

1817, 9 июня — выпускной акт в Лицее. Чтение Пушкиным стихотворения «Безверие».

13 июня — Пушкин определён на службу в Коллегию иностранных дел с чином коллежского секретаря. Живёт вместе с родителями и сестрой в доме на набережной Фонтанки, у Калинкина моста.

Июль — отъезд в отпуск в Михайловское. Знакомство с семьёй Осиповых.

Август — Пушкин принят в литературное общество «Арзамас», ему присвоено имя «Сверчок».

Начало работы над поэмой «Руслан и Людмила».

1817, сентябрь — 1820, май — участие в кружке «Зелёная лампа».

1819, июль — написано стихотворение «Деревня».

1820, 26 марта — чтение законченной поэмы «Руслан и Людмила» у Жуковского, который дарит Пушкину свой портрет.

Середина апреля — Пушкин даёт объяснение по поводу своих политических стихотворений петербургскому генерал-губернатору М.А. Милорадовичу.

5 мая — утверждение Александром I письма о командировании Пушкина к канцелярии генерал-лейтенанта И. Н. Инзова в Екатеринославе.

6 мая — отъезд из Петербурга в Екатеринослав.

16—18 мая — прибытие в Екатеринослав.

26—28 мая — отъезд из Екатеринослава на Кавказ с семейством Раевских.

Июнь—июль — начало работы над «Кавказским пленником».

После 23 июля — 14 августа — выход в свет первого издания «Руслана и Людмилы».

5 августа — отъезд с Раевскими из Пятигорска.

15 августа — 21 сентября — пребывание в Крыму.

21 августа — приезд из Симферополя в Кишинёв.

Ноябрь — поездка в имение Давыдовых Каменку (Киевской губернии Чигиринского уезда).

1821, январь — первая половина февраля — пребывание с Раевскими в Киеве.

20 февраля — окончание поэмы «Кавказский пленник».

9 апреля — встреча с П.И. Пестелем.

1822, конец августа — начало сентября — выход в свет первого издания «Кавказского пленника».

1823 — окончена поэма «Бахчисарайский фонтан».

9 мая — начато писание «Евгения Онегина».

Начало августа — Пушкин переезжает из Кишинёва в Одессу.

1823, конец года — 1824, начало года — начата поэма «Цыганы».

1824, 10 марта — выход в свет первого издания «Бахчисарайского фонтана».

23—31 мая — поездка в командировку в Херсонский, Елисаветградский и Александрийский уезды для сбора сведений о саранче.

11 июля — «высочайшее повеление» о переводе Пушкина на жительство в Псковскую губернию под надзор местного начальства.

30 июля — отъезд из Одессы в ссылку в Михайловское.

9 августа — приезд в Михайловское.

1825, 15 февраля — выход в свет первого издания первой главы «Евгения Онегина».

7 ноября — окончен «Борис Годунов».

Между 30 ноября и 4 декабря — получение Пушкиным известия о смерти Александра I.

13—14 декабря — написана поэма «Граф Нулин».

14 декабря — восстание гвардейских полков на Сенатской площади в Петербурге с участием многих друзей и знакомых Пушкина.

30 декабря — выход в свет книги «Стихотворения Александра Пушкина».

1826, между 11 и 27 мая — прошение на имя Николая I об освобождении с приложением подписки о непринадлежности к тайным обществам.

24 июля — Пушкин получает известие о казни 13 июля декабристов П.И. Пестеля, К.Ф. Рылеева, П.Г. Каховского, С.И. Муравьёва-Апостола и М.П. Бестужева-Рюмина.

28 августа — резолюция Николая I о доставке Пушкина в Москву «под надзором фельдъегеря, не в виде арестанта».

4 сентября, утро — отъезд с жандармским офицером из Михайловского в Псков. Вечером отъезд из Пскова с фельдъегерем в Москву.

8 сентября — приезд в Москву и аудиенция у Николая I.

12 октября — чтение Пушкиным «Бориса Годунова» в доме Веневитиновых.

9 ноября — приезд в Михайловское.

19 декабря — приезд в Москву.

26 декабря — Пушкин присутствует на вечере у княгини З.А. Волконской в честь уезжающей в Сибирь княгини М.Н. Волконской.

1827, начало января — отправка с женой декабриста А.Г. Муравьевой в Сибирь стихотворения «Во глубине сибирских руд».

27 января — Пушкин даёт показания у московского обер-полицеймейстера по делу о стихах «Андрей Шенье».

Начало февраля — выход в свет поэмы «Цыганы».

Начало июня — выход в свет первого издания поэмы «Братья-разбойники».

1828, 5 апреля — начало писания поэмы «Полтава».

2 октября — Пушкин адресует Николаю I письмо (не сохранилось) с признанием в авторстве «Гавриилиады».

Конец декабря — на балу в Москве Пушкин знакомится с Натальей Николаевной Гончаровой.

1829, конец марта — выход в свет «Полтавы».

1 мая — граф Ф. И. Толстой от имени Пушкина просит у Н.И. Гончаровой руки её дочери.

Начало мая — отъезд на Кавказ.

27 мая — приезд в Тифлис.

10 июня — отъезд из Тифлиса в Арзрум.

21 июля — отъезд из Арзрума.

20 сентября — приезд в Москву.

1830, 1 января — выход в свет первого номера «Литературной газеты», издаваемой А.А. Дельвигом при участии Пушкина.

6 мая — помолвка Пушкина и Н.Н. Гончаровой.

20—29 мая — поездка Пушкина с Н.Н. Гончаровой к её деду Афанасию Николаевичу Гончарову в имение Полотняный Завод Медынского уезда Калужской губернии.

18 августа — Пушкин навещает умирающего дядю Василия Львовича (дата его кончины — 20 августа).

31 августа — отъезд из Москвы в Болдино.

Начало сентября — приезд в Болдино.

25 сентября — закончен роман в стихах «Евгений Онегин».

5 декабря — возвращение из Болдина в Москву.

22—23 декабря — выход в свет «Бориса Годунова».

1831, начало февраля — Пушкин снимает квартиру на Арбате в доме Никанора Хитрово.

18 февраля — свадьба Пушкина в церкви Большого Вознесения на Малой Никитской улице в Москве.

20 мая — на вечере у П. А. Плетнёва Пушкин знакомится с Н.В. Гоголем.

25 мая — приезд Пушкина с женой в Царское Село.

Середина сентября — выход в свет книги «На взятие Варшавы», включающей три стихотворения В. Жуковского и два стихотворения Пушкина — «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина».

Конец октября — выход в свет книги «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П.».

22 октября — Пушкины поселяются в доме Брискорн на Галерной улице (ныне дом 53).

14 ноября — Пушкин зачислен на службу в Коллегию иностранных дел в прежнем чине коллежского секретаря с жалованьем пять тысяч рублей в год.

1832, 19 февраля — Пушкин присутствует на обеде сорока восьми литераторов в библиотеке А.Ф. Смирдина в связи с переездом её в новое помещение на Невском проспекте.

Первая половина мая — переезд Пушкиных с Галерной улицы на Фурштадтскую (дом 20).

19 мая — рождение дочери Марии.

27 сентября — посещение Пушкиным Московского университета.

Начало декабря — Пушкины переезжают в дом Жадимировского на углу Большой Морской и Гороховой улиц.

1833, 31 января — начата «Капитанская дочка».

19 февраля — выход в свет «Домика в Коломне» в альманахе «Новоселье».

Март — выход в свет «Евгения Онегина».

6 июля — рождение сына Александра.

7 июля — получение письма с извещением о том, что Николай I разрешает Пушкину поездку в Оренбург и Казань на четыре месяца.

17 июля — отъезд Пушкина из Петербурга.

29 июля — отъезд из Москвы.

Сентябрь — пребывание в Нижнем Новгороде, Казани, Симбирске, Оренбурге, Уральске.

1 октября — приезд в Болдино.

Середина октября — отъезд из Болдина в Москву.

Ноябрь — Пушкины переезжают в доходный дом Оливио на Пантелеймоновской улице (дом 5).

12 декабря — Пушкин получает от Бенкендорфа рукопись «Медного всадника» с цензурными пометами Николая I.

30 декабря — Пушкину присвоен придворный чин камер-юнкера.

1834, 1 марта — выход в свет «Пиковой дамы» в журнале «Библиотека для чтения».

4 марта — письмо Бенкендорфа с сообщением о том, что Николай I приказал выдать Пушкину 20 тысяч рублей заимообразно на печатание «Истории Пугачёвского бунта».

25 июня — Пушкин подаёт прошение об отставке, которое отзывает 6 июня.

Август — Пушкины переезжают в дом Баташева на Дворцовой набережной (ныне — набережная Кутузова, 32).

Сентябрь — поездка в Болдино, написание «Сказки о золотом петушке».

Конец октября — выход в свет «Истории Пугачёвского бунта» в двух частях.

1835, март — май — в журнале «Библиотека для чтения» публикуются «Песни западных славян», «Сказка о золотом петушке», «Сказка о рыбаке и рыбке».

5 — 15 мая — поездка в Тригорское.

14 мая — рождение второго сына Григория.

1 июня — Пушкин просит у царя через Бенкендорфа разрешения уехать в деревню на три или четыре года. В этой просьбе ему отказано.

16 августа — Николай I даёт распоряжение министру финансов о выдаче Пушкину ссуды в 30 тысяч рублей.

Сентябрь — выход в свет четвёртой, последней части «Стихотворений Александра Пушкина».

31 декабря — в письме Бенкендорфу просит разрешения издать в 1836 году четыре тома статей «наподобие английских трёхмесячных Reviews» (будущий журнал «Современник»).

1836, ночь на 29 марта — смерть матери Пушкина Надежды Осиповны.

8 апреля — отъезд из Петербурга в Псковскую губернию с телом матери.

11 апреля — выход в свет первого тома «Современника».

13 апреля — похороны Н. О. Пушкиной в Святогорском монастыре.

Май — поездка в Москву.

23 мая — рождение младшей дочери Натальи. Приезд Пушкина из Москвы в Петербург на дачу на Каменном острове.

Июль — выход в свет второго тома «Современника».

1 сентября — заключение контракта на наём квартиры в доме княжны С. Н. Волконской (ныне набережная реки Мойки, 12) на два года.

Начало октября — выход в свет третьего тома «Современника».

19 октября — закончена «Капитанская дочка». Письмо Чаадаеву с откликом на его «Философическое письмо». Участие Пушкина в праздновании лицейской годовщины в доме М.Л. Яковлева.

4 ноября — получение Пушкиным трёх экземпляров «диплома» «ордена рогоносцев», разосланного также его знакомым.

5 ноября — Пушкин вызывает Дантеса на дуэль письмом, которое получает Геккерн, посещающий Пушкина в тот же день.

6 ноября — дуэль отсрочена на 15 дней.

14 ноября — дуэль отменена ввиду того, что Дантес объявил о своей женитьбе на свояченице Пушкина Е.Н. Гончаровой.

16 ноября — Пушкин вновь настаивает на дуэли и просит В.А. Соллогуба быть секундантом.

17 ноября — переговоры секундантов — Соллогуба и д'Аршиака. Пушкин отказывается от своего вызова.

21 ноября — Пушкин пишет письма Геккерну и Бенкендорфу, но не отправляет их.

23 ноября — Пушкин принят Николаем I.

Вторая половина ноября — декабрь — выход в свет четвёртого тома «Современника».

1837, 10 января — свадьба Дантеса и Е.Н. Гончаровой.

25 января — оскорбительное письмо Пушкина Геккерну и ответное письмо Геккерна с вызовом на дуэль.

27 января — дуэль Пушкина и Дантеса на Чёрной речке у комендантской дачи, Пушкин смертельно ранен.

29 января, 2 часа 45 минут — кончина Пушкина.

1 февраля — отпевание Пушкина в Конюшенной церкви.

5 февраля — Александр Тургенев доставляет тело Пушкина в Святогорский монастырь, где поэт, согласно его воле, похоронен на рассвете 6 февраля.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Летопись жизнь и творчества А.С. Пушкина. 1799—1826 / Сост. М.А. Цявловский. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1991.

Хроника жизни и творчества А.С. Пушкина. В 3 т. 1826— 1837. М., 2001—2009.

Переписка А.С. Пушкина. В 2 т. М., 1982.

А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. М., 1985; 3-е изд. В 3 т. СПб, 1998.

Абрамович С.Л. Пушкин в 1833 году. Хроника. М., 1994.

Абрамович С.Л. Пушкин в 1836 году (Предыстория последней дуэли). 2-е изд., доп. М., 1989.

Анненков П.В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1985.

Бонди С.М. О Пушкине. Статьи и исследования. М., 1978.

Вацуро В Э. Избранные труды. М., 2004.

Вересаев В.В. Пушкин в жизни. М., 2001.

Легенды и мифы о Пушкине. Сборник статей / Под ред. М.Н. Виролайнен. СПб., 1999.

Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Л., 1981.

Непомнящий В.С. Пушкин. Избранные работы 1960—1990-х гг. В 2 т. М., 2001.

Сурат И.З., Бочаров С. Г. Пушкин. Краткий очерк жизни и творчества. М., 2002; М., 2008.

Томашевский Б.В. Пушкин. В 2 т. 2-е изд. М., 1990.

Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М., 1968.

Тынянов Ю. Н. Пушкин. Роман. Л., 1974 (имеется множество других изданий).

Тыркова-Вильямс А.В. Жизнь Пушкина. В 2 т. 7-е изд. М., 2010.

Цявловская Т. Рисунки Пушкина. 2-е изд. М., 1980.

Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1988.

Щёголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. Статьи и исследования. М., 1987.

Эйдельман Н. Пушкин и декабристы. М., 1979.